

На правах рукописи

СЕМЕНЕНКО Наталия Николаевна

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
ПАРЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
(на материале русского языка)**

специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Белгород
2011

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ
Алефиренко Николай Федорович
(Белгородский государственный университет)

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Мокиенко Валерий Михайлович
(Санкт-Петербургский государственный университет)

доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна
(Псковский государственный педагогический университет им. С.М. Кирова)

доктор филологических наук, доцент
Декатова Кристина Ивановна
(Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

Ведущая организация: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Защита состоится 26 января 2012 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 в Белгородском государственном национальном исследовательском университете по адресу:
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Автореферат разослан 19 декабря 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,

профессор

М.Ю. Казак

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изначальное предназначение паремиологии – изучение ценностно-смыслового пространства языка в его устойчивых вторичных репрезентациях, свидетельствующих об образно-речевых стереотипах той или иной лингвокультуры. В связи с этим **объектом** данного исследования являются наиболее яркие носители ценностно-смысловой семантики русского языка – паремии, а именно: а) фразеологические сочетания поговорочного типа и б) фольклорно-речевые фразеологизированные выражения с обобщенным значением – пословицы, загадки и приметы. Все они объединяются родовым термином *паремии*, представляющим обширный класс народных афоризмов: *пословицы, поговорки, загадки и приметы*. Иными словами, исследуются те разновидности народных афоризмов, которые характеризуются смысловым единством и выраженной полифункциональностью в синергетическом сопряжении их когнитивных, прагматических и прецедентных свойств. Прочие разновидности народных афоризмов (пустоговорки, чистоговорки, присловья, прибаутки и пр.), хотя и относятся к паремиологическому пространству русского языка, не являются репрезентантами ценностно-смысловой семантики, выполняя преимущественно речевую (декоративную или фатическую) функцию.

П а р е м и и интерпретируются нами как афоризмы фольклорного происхождения, которые характеризуются устойчивостью, воспроизводимостью и прецедентностью, допускающими, однако, вариативность своей синкретической формы и смыслового содержания в пределах изначальной семантико-прагматической константы. При этом пословицы, приметы и загадки по всем своим категориальным признакам являются **текстами** особого рода, поскольку представляют собой некие «модели текста», абстрактные инварианты, обладающие основными признаками текста и когнитивно-прагматическими функциями, предназначенными для выражения суждений с оценочно-прагматической интерпретацией стереотипной ситуации применительно к конкретному дискурсу. Поговорки же текстами не являются; поскольку участвуют в процессах косвенно-производной номинации в качестве прагматически ориентированных компонентов высказывания.

Указанная жанровая и категориальная специфика паремий обуславливает **предмет** реферируемого исследования – семантику и прагматику выделенных жанровых разновидностей русских паремий в их когнитивно-прагматической ипостаси.

Актуальность темы исследования обусловлена факторами, связанными, прежде всего, с нынешним этапом становления когнитивной паремиологии со всем относящимся к нему сложным комплексом нерешённых проблем. Среди них вопросы о языковом и речевом статусе, видовом своеобразии, функциональном назначении и культурной значимости паремий как фольклорно-речевых репрезентантов русской ментальности. Реализуемый нами когнитивно-прагматический подход предполагает обращение к названному комплексу проблем с ранее не исследованных пози-

ций: синкретичные свойства русских паремий (текстем, знаков непрямой номинации и прецедентных единиц этнолингвокультуры) рассматриваются с точки зрения «работы» тех лингвокогнитивных механизмов, которые, собственно, и формируют их структуру и определяют закономерности вербальной реализации паремической семантики. При этом особенно актуален прагматический фактор, поскольку целостная смысловая структура анализируемых паремий в той или иной степени реализуется для наиболее адекватного выражения дискурсивной интенциональности и коммуникативно-прагматической направленности каждого речемыслительного акта.

Современная когнитивная паремиология пытается выстроить такую теоретическую базу и такой понятийный аппарат, которые бы позволили рассматривать паремии не только как репрезентанты этнокультуры и как порождения коллективного речетворчества, но и как сложные знаки с номинативно-когнитивной функцией по порождению и закреплению знаний особого рода в процессе реализации дискурсивных намерений. Когнитивно-прагматическая паремиология, прежде всего, углубляет когнитивно-дискурсивную доктрину современной теории знаков вторичной номинации (Н.Ф. Алефиренко, Л.Ю. Буянова, К.И. Декатова, Л.Г. Золотых, Помыкалова Т.Е., Савенкова Л.Б. и др.). Во-вторых, когнитивно-прагматическая методология ориентирована на решение спорных вопросов традиционной паремиологии, прежде всего, на выявление корреляций между семантическими и когнитивными категориями. В этом ракурсе особую актуальность приобретает рассмотрение скрытых механизмов взаимосвязи, существующей между внутренней формой, значением, смыслом, мотивацией, коннотацией языковых единиц и их когнитивными корреляциями, объективирующими продукты познавательной деятельности человека (концептами, фреймами, теми элементами языкового сознания, которые представляют в нём результаты дискурсивно обусловленной концептуализации и категоризации действительности).

Гипотеза исследования состоит в предположении, что функционально-семантические свойства паремий позволяют им выполнять функции, выходящие за пределы собственно языковой номинации и выражения отдельного умозаключения, что способствует установлению типологического своеобразия народных афоризмов разных жанров и выявлению глубинных когнитивных процессов, обуславливающих специфику речевой репрезентации семантики и прагматики пословиц, поговорок, загадок и примет. В центре когнитивно-прагматического описания находятся такие составляющие паремической семантики, как когнитивная модель, внутренняя форма, афористическое значение, событийный план, объективируемая в паремиях когнитивно-денотативная ситуация и выражаемый паремиями прагматический смысл.

Категориальный статус и функциональное своеобразие отдельных разновидностей русских паремий непосредственно обусловлены их когнитивно-прагматической природой, то есть, способностью репрезентировать и продуцировать ценностные знания, сформированные в русской этнокультуре.

Цель исследования – описать когнитивно-прагматические свойства единиц основных паремических жанров русского языка в свете дискуссионных проблем паремической семасиологии.

Для достижения данной цели и верификации гипотезы были поставлены следующие **исследовательские задачи**:

1) разработать методологические основы когнитивно-прагматического моделирования паремиологического пространства русского языка с учетом видового и семантического разнообразия народных афоризмов;

2) раскрыть содержание основных понятий когнитивно-прагматической паремиологии и обосновать принципы когнитивно-прагматического исследования русских паремий;

3) определить состав и структуру паремий русского языка во всём их жанрово-видовом многообразии;

4) показать структурно-смысловую специфику единиц разных паремических жанров, выделив их основные смысловые уровни, категории и отношения, структурирующие семантическую парадигму паремиологического корпуса русского языка;

5) раскрыть интенционально-прецедентную сущность русских паремий, обуславливающую характер реализации смыслового их содержания в различных когнитивно-дискурсивных условиях;

6) разработать основные критерии экспликации ведущих элементов оценочно-смыслового спектра, онтологических категорий, мировоззренческих констант и ценностных координат паремиологического пространства русского языка.

Материалом исследования послужила авторская картотека, составленная методом сплошной выборки из наиболее крупных и авторитетных паремиологических сборников (8000 единиц из 37 сборников и словарей), примеры контекстуального употребления паремий, взятые из художественных текстов, публицистических изданий и словарей, а также полученные в ходе работы с Интернет-материалами (около 1 тысячи контекстов).

Теоретической основой исследования стали (1) труды, определившие базовые положения современной когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики в целом и фразеологии в частности (М.А. Алексеенко, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырева, С.Г. Воркачёва, К.И. Декатовой, В.З. Демьянкова, Л.Г. Золотых, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Р. Лангакера, В.Ф. Новодрановой, О.Н. Прохоровой, Г.Г. Слышкина, Р.М. Фрумкиной, И.В. Чекулая и др.); (2) концепции, определяющие проблематику и методологические векторы современной лингвокультурологии (Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, Х. Вальтера, А.А. Залевской, С.В. Ивановой, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, С.А. Кошарной, В.А. Масловой, С.Е. Никитиной, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, Г.В. Токарева, А.Т. Хроленко, Л.А. Шестак, Е.С. Яковлевой и др.), а также (3) фразеологические и паремиологические

исследования, заложившие основу современных представлений о статусе, структуре и функционально-семантическом своеобразии паремиологического фонда русского языка (Е.В. Ивановой, М.Ю. Котовой, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Е.М. Марковой, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой, Г.Л. Пермякова, Л.Б. Савенковой, Т.С. Садовой, Е.И. Селиверстовой, С.Я. Сендеровича, В.Н. Топорова, З.К. Тарланова, Ф.Ф. Фархутдиновой, Н.Н. Фаттаховой, В.К. Харченко, В. Хлебды, С.Г. Шулежковой и др.).

Когнитивно-прагматический метод описания и моделирования паремической семантики определяется системой операций, направленных на выявление основных уровней семантической стратификации русских паремий: лингвокогнитивного основания значения, внутренней формы, паремического значения и прагматического смысла. Когнитивный аспект исследования связан с осмыслением механизмов интеграции продуктов двух взаимосвязанных когнитивных процессов – процессов к а т е г о р и з а ц и и и к о н ц е п т у а л и з а ц и и, непосредственно формирующих этнокультурное своеобразие паремической семантики.

Категоризация – важнейший процесс во всем когнитивном механизме формирования семантики паремий, связанный с познавательными способностями человека и формированием концептосферы языка. Категоризация лежит в основе возникновения паремий потому, что она является механизмом креативного речемышления человека, основанным на операциях: (а) сравнения, отождествления, т.е. поиска *tercium comparationis* – лат. третьего члена сравнения сопоставляемых объектов – критерия сравнения, того, в чём совпадают два сравниваемых объекта, (б) метафоризации (установления сходства, подобия) и (в) метонимизации (выявления смежных мыслительных пространств). Благодаря категоризации происходит вербализация в паремиях отражённых в сознании человека классифицируемых и ассоциативно распределяемых предметов сравнения. Например: *Около людей великая беда заживает* [БСП: 504], - метафоризация образа 'отступающей / заживающей беды' способствует установлению когнитивной опоры для дальнейшего интегративного процесса формирования пословичного фрейма «Человеческое сообщество» в его слоте «Среди себе подобных».

Процесс категоризации органично связан с **концептуализацией**, заключающейся в осмыслении поступающей к человеку информации и приводящей к образованию паремиеобразующих когнитивных структур: концептов, фреймов и сценариев. Являя собой классификационную деятельность, категоризация и концептуализация различаются по конечному результату и / или цели деятельности. Первый процесс направлен на выделение тех минимальных смысловых элементов, которые образуют когнитивный субстрат паремии. Второй процесс подчинён объединению ранее выделенных смысловых элементов в единую когнитивную структуру – паремиеобразующий концепт или фрейм. Такого рода интеграция осуществляется в ходе объединения когнитивных единиц (1) на основе объективного смыслового сходства их

предметов мысли или (2) в качестве ассоциативно воспринимаемых как тождественные в более крупные разряды.

Прагматический аспект паремической семантики неразрывно связан с когнитивным, поскольку процессы категоризации и концептуализации протекают сопряжённо по отношению к изначальному прагматическому мотиву реализации паремической семантики: трансляции жизненного стереотипа. Разнообразие прагматической мотивации при наблюдаемой общности их основания обусловлено (1) функционально-категориальным своеобразием русских паремических жанров, (2) речевой универсальностью народных афоризмов и (3) различной степенью зависимости выражаемого смысла от дискурсивной интенции, наблюдаемой у отдельных разновидностей русских паремий.

В ходе моделирования **когнитивно-прагматической парадигмы паремической семантики** устанавливаются следующие основополагающие векторы исследования: (1) выявление типологических семантических признаков паремий, (2) определение функционально-категориального статуса паремических жанров, (3) раскрытие сущности смысловой структуры паремий, (4) обоснование роли фактора культурной значимости паремий.

Семантическая типология паремий связана со стратификацией паремических жанров по признакам, наиболее актуальным для паремической семантики: характером паремического значения, парадигматическим потенциалом и иерархичностью семантической структуры.

Функционально-категориальный статус устанавливается путём выявления когнитивных и прагматических функций, реализуемых паремическими жанрами на фоне их ведущего (жанрового и общепаремического) предназначения.

Под **смысловой структурой паремий** понимается вся совокупность прагматически обусловленных смыслов паремии, мотивированных внутренней формой и репрезентирующих когнитивное основание паремии в соответствии с потенциалом её единого значения и дискурсивной интенции. Понятие **смысла** паремии признаётся более объёмным, чем понятие значения, характеризуясь всем когнитивно-прагматическим содержанием паремической единицы.

Семантическая структура паремий определяется как формирующаяся в процессе узуализации смыслового содержания народного афоризма, что обусловлено его когнитивной и прагматической актуальностью для стереотипных дискурсивных ситуаций.

Фактор культурной значимости заключается в ценностно-смысловой маркированности эпистемы, репрезентируемой паремиями.

За **единицу** когнитивно-прагматического **исследования** паремической семантики принята многоуровневая семантическая структура паремического знака-текстемы (для пословиц, примет и загадок) или фраземы (для поговорок).

Методологической основой исследования служат:

- концепция взаимообусловленности народных афоризмов и единиц разговорного дискурса как когнитивно-прагматических феноменов этноязыкового сознания (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, А.А. Потебня и др.);

- концепция признания языка важнейшим средством аккумуляции, ретрансляции и знаковой репрезентации ценностно-смыслового пространства языка во всем многообразии его ассоциативно-образных проявлений (Н.Д. Арутюнова, С.А. Аскольдов, В. Гумбольдт, Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.);

- признание языка универсальным средством категоризации и концептуализации мира – основного механизма естественного моделирования этнокультурной специфики картины мира (Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Дж. Лакофф, З.Д. Попова, А.А. Потебня, Э. Сепир, И.А. Стернин, Б. Уорф, Ч. Филмор и др.);

- положения о знаковом статусе устойчивых выражений, особенностях их семантики, сформированные в результате конструктивного взаимодействия различных современных лингвистических парадигм: (а) системно-структурной (В.П. Жуков, А.И. Молотков, Л.П. Дядечко, Е.Е. Иванов, Георгиева, J. Mlasek, S. Skogupka, W. Hlebda и др.), (б) сравнительно-исторической (А.М. Бабкин, А. Бирих, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко, Л. Степанова, Ž. Fink, Н.М. Шанский, С.Г. Шулежкова и др.), (в) коммуникативно-прагматической (М.А. Алексеенко, Н. Walter, В.Т. Бондаренко, Т.Г. Никитина, А.М. Мелерович и др.), (г) дискурсивно-когнитивной (Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, К.И. Декатова, Л.Г. Золотых и др.);

- результаты конструктивной дискуссии о жанровых и семантико-стилистических свойствах народных афоризмов (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Г.Л. Пермяков, М.А. Черкасский и др.), о проблемах фольклорно-жанрового разграничения паремий (Е.И. Селивёрстова, З.К. Тарланов, А.Т. Хроленко и др.) их лингвокультурологическом своеобразии (Е.В. Иванова, Л.Б. Савенкова и др.) и культурно-исторической значимости в этноязыковой картине мира (М.Ю. Котова, В.М. Мокиенко, Н. Walter и др.).

Для реализации задач исследования и выдвинутых теоретических положений был разработан метод *когнитивно-прагматического описания паремической семантики*, исследовательскими шагами которого служат адаптированные нами к паремиологическому материалу приёмы:

- 1) приём *фразеомообразовательной комбинаторики*, представляющий собой интегрирование компонентного анализа и компонентного синтеза (Н.Ф. Алефиренко) с целью выявления взаимодействующих элементов смыслового содержания когнитивных и паремических структур;

- 2) приём *когнитивно-дискурсивного анализа паремической семантики*, применяемый для выявления когнитивно-дискурсивной сущности паремического значения;

3) приём *функционально-семантического анализа паремии как особой текстемы*, направленный на осмысление дискурсивной природы загадок;

4) приём *функционально-культурологического анализа семантики примет* (В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова);

5) приём *пропозиционального моделирования* для выявления закономерных связей лингвокогнитивных структур со знаковыми и предзнаковыми моделями, довербальной когнитивной деятельностью, представляющими собой этапы лингвосемиозиса паремий как единиц вторичной номинации;

6) приём *когнитивно-прагматического моделирования*, предназначенный для выявления когнитивного основания паремического значения и определения лингвокультурологической значимости и прецедентного потенциала пословиц, загадок и примет.

С помощью этого метода структурировались (1) когнитивные модели русских паремий, (2) их смысловая структура (3) внутренняя форма, а также выявлялся (4) прагматический спектр паремической семантики.

Метод когнитивно-прагматического описания паремической семантики гармонично сочетается с классическим описательным методом, приёмами внутриязыковых сопоставлений и семантической идентификации пословиц, поговорок, примет и загадок, фреймовыми методиками.

Научная новизна исследования определяется впервые в русском языкознании разработанной когнитивно-прагматической теорией паремиологии, а также семантической типологией основных паремических жанров русского языка, созданной путём сопоставления их ведущих коммуникативно и прагматически обусловленных семантических свойств. Инновационный характер исследования определяется:

- обоснованием когнитивно-прагматической субпарадигмы паремической семантики применительно к описанию четырёх основных разновидностей народных афоризмов: пословиц, поговорок, примет и загадок;

- определением основных когнитивно-прагматических функций паремических жанров;

- выявлением категориального статуса паремической семантики в целом и описанием когнитивно-семантических особенностей паремий отдельных жанровых разновидностей;

- категориально-понятийными инновациями:

- 1) введением в научный обиход новых понятий, необходимых для развития когнитивной паремиологии: «когнитивная модель паремического значения», «дискурсивная интенция паремического смысла», «когнитивно-дискурсивная функция паремий», «объёмная паремическая репрезентация», «поликонцептуальность паремий», «прагматическое выражение события», «семантическая рекомбинация» и т.д.;

- 2) уточнением понятийного содержания терминологического аппарата когнитивной лингвистики: «инкорпорирование когнитивных единиц», «ког-

нитивная ось», «когнитивно-денотативное пространство», «вторичная концептуализация», «концептуальная дихотомия», «концептуальные конвергенты», «концептуальные синсеманты», «одновалентные концепты», «лексический маркер когнитивной единицы», «фреймовая модель паремии» и т.д.;

3) расширением паремиологической семасиологии в аспекте терминологической и жанровой типологии: «паремическая картина мира», «паремиологическое пространство языка», «прагматический комплекс значения паремии», «протовербиумы», «смысл паремии», «смысловая структура паремии», «внутренняя форма паремий», «гиперреферентность паремического значения», «дискурсивная интенция паремического смысла» и т.д.;

4) раскрытием природы и сущности когнитивно-прагматического основания паремической семантики и выявлением основных уровней ценностно-смысловой стратификации семантического пространства русских паремий как результата синергетического сопряжения когнитивной, дискурсивной и семиотической деятельности народа.

Теоретическая значимость работы состоит в создании когнитивно-прагматической теории семантического описания паремий как фольклорно-речевых образований. Сделанные в диссертации теоретические обобщения о функциональной природе и когнитивно-прагматических свойствах паремий различных видов могут лечь в основу новых исследований паремиологического пространства русского языка как особой зоны взаимовлияния этноязыкового сознания, дискурсивной деятельности и культурно обусловленного знакообразования. Описание многоуровневой архитектоники паремий – теоретическая основа для масштабных исследований архаичной и современной составляющих семантического потенциала народных афоризмов и народного мировоззрения, отразившегося в паремиологии русского языка в целом. Теория паремической текстемы способствует обогащению лингвистики текста вообще, проливая свет на многие спорные вопросы, касающиеся проблем онтологии и прагматики речевых жанров. Представленное когнитивное моделирование паремий перспективно для изучения концептосферы русского языка и русского этноязыкового сознания в целом, а описание фреймовой природы паремического значения может быть стимулом для исследования вторичной репрезентации сложных событийно-коммуникативных структур в русском языке.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Паремии – это фольклорно-речевые образования, определяемые как народные афоризмы, выражающие этноязыковые стереотипы. Такое понимание фольклорной афористичности имеет принципиальное для паремиологии значение, и позволяет включать в класс паремий типологически широкий набор народных афоризмов, в частности, отнести к народным афоризмам поговорки, отличающиеся от остальных паремий отсутствием выраженного умозаключения. Прецедентная природа паремий обусловлена их вторичной языковой функцией и инкорпорирующим потенциалом когнитивного осно-

вания семантики. При этом самым высоким прецедентным потенциалом характеризуются поговорки и пословицы.

2. Когнитивно-прагматическое моделирование паремической семантики, учитывающее видовое и семантическое разнообразие русских народных афоризмов, позволяет определить ценностно-смысловую и когнитивно-прагматический статус паремий в сопряжении с их изначальной интенциональностью. Паремии как синкретичные образования, совмещающие свойства текста, высказывания и произведения, реализуют когнитивно-прагматические функции в непосредственной зависимости от преобладания у конкретной разновидности паремий каких-либо из перечисленных категориальных признаков.

3. Подведение пословиц, поговорок, примет и загадок под рубрику паремий осуществляется благодаря наличию у них общепаремической функции (дидактической) и множества частных когнитивно-прагматических функций, характер которых обусловлен видовыми функционально-семантическими свойствами паремий. Наблюдаемые различия в категориальном статусе, когнитивной структуре, характере внутренней формы, дискурсивной обусловленности смысла и прочих характеристиках паремий не разрушают их жанровой однородности, поскольку все паремические виды отражают процессы стереотипизации представлений, оценок и действий, значимых для русского этноязыкового сознания.

4. Пословица – паремический жанр, с помощью которого формируются стереотипные оценки и рекомендации относительно типичных жизненных ситуаций. Пословицы выражают базовые ментальные установки этноязыкового сознания, способствуют инкультурации личности в ходе овладения компромиссной моралью, требующей всесторонней оценки ситуации. Формально догматичные, пословицы допускают заметную «гибкость» в оценке и полифонию в репрезентации ценностей культуры. Когнитивно-прагматическая сущность пословицы – стереотипизированное умозаключение нравоучительного характера, основанное на фрейме как когнитивной структуре с высоким инкорпорирующим потенциалом. Сложный когнитивный импликационал пословицы, обнаруживаемый в условиях влияния на её значение дискурсивной интенции, позволяют пословицам образовывать собственный дискурс, в пределах которого они взаимоопределяют, дополняют и интерпретируют друг друга.

5. Поговорка – паремический жанр, являющийся средством стереотипизации образной номинации денотатов обыденного сознания. Поговорки, несмотря на своё структурное и функционально-семантическое разнообразие, а также сближение с фраземами в их традиционном понимании, рассматриваются как целостный паремический вид, поскольку они реализуют сугубо паремические функции. Когнитивно-прагматическая сущность поговорки обусловлена, с одной стороны, её близостью к области собственно фраземики (смыслообразующая роль концепта и репрезентация экспрессивно-образного слоя концепта), с другой стороны, паремиологическим статусом (фреймовое

основание семантики). В условиях дискурса поговорка допускает более явные «приращения» смысла, чем пословица, по причине отсутствия в её смысловой структуре целостного умозаключения. Поговорка может иметь признаки обобщенного значения пословицы и являться своеобразной когнитивной базой для формирования пословицы, но, при этом, она не теряет своей особой образно-номинативной функции, отличающей её от пословиц и примет.

6. Примета – паремический жанр, служащий средством стереотипизации прогноза как когнитивно-прагматической деятельности по культурному освоению окружающего мира. Обобщение наблюдаемых ситуаций, важных для этнокультуры, осуществляется в условиях слабо мотивированной связи с ситуациями прогнозируемыми. Дидактическая функция примет заключается в их обучающей роли: приметы формируют целостное представление о взаимосвязи наблюдаемых и прогнозируемых ситуаций во всех основных сферах человеческой жизни. Когнитивно-прагматическая сущность приметы – инкорпорированное сопряжение двух фреймов, один из которых репрезентирован как часть культурного комплекса, связанного с наблюдаемой ситуацией, а второй – как отдельный слот, связанный с прогнозом. Сопоставление примет с другими паремическими жанрами не всегда продуктивно (наиболее актуально сопоставление с пословицами) по причине выраженного функционального своеобразия (прогноз), а именно, «нацеленности» примет на конкретный результат: а) достижение счастья, б) символическая категоризация действительности, в) культурная идентификация личности.

7. Загадка – паремический жанр, выступающий в качестве средства стереотипизации ассоциативного механизма когнитивной метафоры, реализуемого в языке. Форма и семантика загадки прагматически обусловлены её ведущей игровой функцией, при этом, в когнитивной прагматике загадки заметные следы оставила её изначальная магически-ритуальная функция. В современной паремиологической парадигме загадка функционально близка к поговорке в аспекте осуществления образной номинации, хотя и основаны загадки на несколько ином принципе когнитивного моделирования, чем пословицы. Дидактическая функция загадки может быть определена как образно-логическая, что соответствует её когнитивно-прагматической сущности – формировать стереотипы образной номинации в ходе логического поиска сходных свойств денотатов.

8. Основными уровнями семантической стратификации паремий являются когнитивная структура, внутренняя форма, афористическое значение и прагматический смысл. Когнитивная структура паремий является результатом когнитивной инкорпорации, мотивированной определёнными прагматическими условиями. Внутренняя форма паремий является обязательным условием сохранения их семантической целостности. Афористическое значение паремий обусловлено их жанровой спецификой и прагматическим назначением. Прагматический смысл является следствием реализации афористического значения паремии в условиях определённой дискурсивной

интенции. В условиях когнитивно-прагматической интенциональности дискурса внутренняя форма паремий может актуализироваться или переосмысливаться.

9. Культурная значимость паремий выявляется в ходе выделения основных оценочных констант, базовых онтологических категорий, мировоззренческих приоритетов и ценностных координат паремиологического пространства русского языка. Применительно к отдельным паремическим единицам культурная значимость выявляется на всех уровнях паремической семантики. Паремические жанры характеризуются выраженной спецификой в реализации культурно обусловленных смыслов.

Практическое значение работы. Идеи диссертационного исследования могут стать основой для разработки авторского курса «Фразеология и паремиология русского языка», для разработки спецкурса «Когнитивная синергия русской паремиологии», а также при разработке новых курсов по лингвофольклористике и когнитивной лингвокультурологии в свете современных образовательных инноваций. Проблемы внутренней формы, прецедентного статуса и семантики паремий могут быть полезными в разработке курса «Общее языкознание». Помимо того, результаты исследования могут быть применены в паремиографической практике, а также использованы специалистами смежных наук: философии, семиотики, психологии и культурологии.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты научного исследования изложены в докладах и сообщениях, обсуждённых на научных форумах разного уровня (всего на 66 научно-практических конференциях, в том числе 11 зарубежных), в частности: Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2008); Международная научная конференция «Оломоуцкие Дни русистов» (Чехия, Оломоуц, 2009, 2011); Международная научно-практическая конференция «Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе» (Кострома, 2008); Международная научная конференция «Східнословянська філологія: від Нестора до сьогодні» (Украина, Горловка, 2008); Международная научная конференция «Фразеология и когнитивистика» (Белгород, 2008); Международная научная конференция «Диалог культур - культура диалога» (Кострома, 2008, 2009, 2010); Международная научная конференция «Паремия славянских народов IV» (Чехия, Острава, 2008); Международная научная конференция «Коммуникативные аспекты грамматики и текста» (Польша, Жешув, 2008); Международный симпозиум «Русская лексикография и фразеология в контексте славистики: теория и практика» (Магнитогорск, 2009); Международная научная конференция «Славянская фразеология и паремиология в XXI веке» (Беларусь, Могилёв, 2009); Международная научная конференция «Язык и культура» (Белгород, 2010); Международная научная конференция «Динамические тенденции в славянской фразеологии» (Словакия, Ружомберок, 2010); Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода» (Греция, Салоники, 2010); Международ-

ная научная конференция «Русский язык и культура в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы» (Испания, Гранада, 2010); Международная научная конференция «Традиционная народная культура в аспекте восточнославянской и польской языковой картины мира» (Польша, Люблин, 2010); Международной научно-практической Интернет-конференции «Современная филология в международном пространстве языка и культуры» (Астрахань, 2010); Международной заочной научно-методической конференции «Современные проблемы лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2011); Международной научной конференции «Фразеологические чтения – 2011» (Курган, 2011); Международной научной конференции «Фразеология и перевод» (Польша, Ополе, 2011) и др.

По теме диссертации опубликовано 84 работы общим объёмом 56,45 п.л. Результаты исследования отражены в 2 монографиях (общий объём 24,6 п.л.), в 1 учебном пособии (авт. 4,0 п.л.) и 80 научных статьях (из них 16 из Списка, рекомендованного ВАК РФ и 10 в зарубежных издательствах).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении содержится обоснование актуальности темы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, даётся характеристика анализируемого материала, методов, методологической и теоретической базы исследования, раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются гипотеза исследования и положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Когнитивно-прагматическое основание семантической типологии паремических жанров» рассматриваются проблемы выделения основных жанров русских паремий в соответствии с их коммуникативным назначением, когнитивными и прагматическими функциями в аспекте трихотомии «высказывание – текст – произведение».

Выделение паремических жанров заключается, прежде всего, в выявлении когнитивно-прагматических факторов, обуславливающих характер формирования паремической единицы как высказывания с прецедентным статусом и как речевого произведения, отображающего своей семантикой стереотипы и приоритеты русского этноязыкового сознания.

Культурно-прагматическими факторами, образующими паремическую семантику, выступают: (1) когнитивная функция, то есть та роль, которую народный афоризм играет в репрезентации этноязыкового сознания; (2) прагматическая функция, стимулирующая кодирование в смысловой структуре народного афоризма этнокультурных ценностей, необходимых для социализации индивидуума и становления его как языковой личности; (3) когнитивная модель порождения паремического высказывания как результат паремиеобразующего взаимодействия когнитивных единиц, носителями которых являются структурные компоненты паремии.

Функции народных афоризмов особенно важны для разграничения паремических жанров, поскольку каждый из видов паремий реализует заложенное в его природе когнитивно-прагматическое предназначение. Одна из важнейших паремических функций – культурно-рефлексивная - наиболее очевидно проявляется в таком паремическом жанре, как **пословица**, поскольку особенности её фольклорно-речевой природы позволяют данной разновидности народных афоризмов выражать закономерности русского языкового сознания, сформировавшегося в органическом взаимодействии языка и культуры. Пословицы характеризуются ярко выраженной ситуативной обусловленностью выражаемого смыслового содержания, поскольку они не просто репрезентируют фреймовый фрагмент денотативной ситуации, а высвечивают стоящие за ним нерасчлененные когнитивные единицы (гештальты) и фрагменты концептосферы – концепты и их амальгамные объединения. Такого рода сложные когнитивные структуры, репрезентируемые пословицами, представляют в русской лингвокультуре следующие дискурсивно-смысловые образования:

1. **Концептуальные антитезы** (Много - Мало, Хорошо - Плохо и т.п.) - как биполярные концепты, у которых при вербализации одного содержательного компонента вербализуется (или подразумевается) и его антитетическая сущность: *На лихо лихо, на добро добро; Добра, что клада ищут, а худо под рукой* [ПРН: 31].

2. **Концептуальные синсеманты** (Вера/Надежда/Терпение, Счастье/Удача и т.п.), под которыми мы предлагаем понимать когнитивные единицы, являющиеся следствием взаимопроникновения смысловых компонентов отдельных концептов и в условиях определенной репрезентации уже не воспринимающихся самостоятельно и расчленено. Например, репрезентация в тексте пословиц концептуального синсеманта Вера/Надежда/Терпение: *Болящий ожидает здравия даже до смерти; Взойдёт солнце и над нашими воротами* [ПРН: 31].

3) **концептуальные конвергенты** (Дело = Работа, Деньги = Имущество и т.п.) – когнитивные единицы, возникшие в результате содержательной «надстройки» одного из концептов смысловыми компонентами другого. Например, реализация концептуального конвергента Деньги = Имущество в тексте приметы: *Амбар снится к деньгам, наследству* [БСпр: 62], - и в тексте пословицы *Соболино одеяльце в ногах, да потонули подушки в слезах* [ПРН: 48].

4) **концептуальные дихотомии** (Жизнь ↔ Смерть, Добро ↔ Зло и т.п.), изначально нерасчленимые в соответствии со своей взаимоопределяемой природой: Например: *Жизнь наскучила, а и к смерти не привыкнешь; Живём, пока мышь головы не отъела; Живой смерти боится* [ПРН: 179].

Когнитивные модели пословиц характеризуются большим разнообразием, поскольку практически нет таких тематических зон житейского, нравственного и обыденно-философского плана, которые бы не затрагива-

лись в пословицах, – вместе с тем, в пределах тематической группы пословиц, выделяемой по наличию в когнитивном основании элементов структуры одного фрейма, наблюдается определенное единство фреймовой семантики. В когнитивной модели пословицы фрейм выполняет функцию ситуативной обусловленности прототипического паремического смысла, а реконструкция фреймовой семантики паремии позволяет проникнуть в её изначальную про-вербиальную мотивацию; концепт как наивное понятие при этом выступает в роли смыслопорождающего фактора, некоего «стимула» к выражению культурно обусловленного содержания обыденной мысли.

Когнитивно-прагматическое основание выделения жанра **поговорки** обусловлено пониманием данной разновидности народной афористики как паремического жанра, характеризующегося устойчивостью воспроизведения, синкретизмом формы (предложение или словосочетание), реализующего преимущественно номинативно-образную и орнаментальную функции языка, отличающегося от других разновидностей паремий **отсутствием выраженного умозаключения**. Поговорки с обобщённым паремическим значением – это синкретичный паремический жанр, единицы которого по причине наличия таких формальных показателей обобщенного значения пословиц, как сниженная референтность денотатов, «маркирующих» ситуацию, близки к выражению умозаключения и практически находятся «на грани» данной когнитивной функции. Например: *Видали мы таких красивых!* [ПиПРН: 246], где *видали мы* – «обезличенное» множественное; *таких* – указательное местоимение в роли наименования лица; *красивых* – субстантивированное прилагательное в форме множественного числа номинируют широкий класс подобных лиц. При этом, преобладание актуальности орнаментальной функции не даёт поговорке сделать последнего «шага» – сформулировать прагматическую рекомендацию (ср. с пословицей *Силен чёрт, да воли нет* [ПиПРН: 246] – ‘Не надейся на грубую силу – злого человека всё равно остановят’).

Сопоставление когнитивного основания поговорок с фразеологически связанным и с обобщённым значением показало следующие различия в когнитивно-прагматических параметрах данных жанровых подвидов:

Тип паремической единицы	Поговорка с фразеологически связанным значением	Поговорка с обобщённым значением
Пример	<i>Руки у тебя коротки</i> [ПиПРН: 246]	<i>Видали мы таких красивых</i> [ПиПРН: 246]
Характеристика типовой ситуации	ситуация, в которой собеседник не может осуществить задуманное, так как заведомо слабее обращающегося к нему оппонента	
Фрагмент фрейма	«Действие/Воздействие на человека»	«Действие/Противодействие»
Смыслопорождающий концепт	«Невыполнимая угроза»	«Пренебрежение», выражаемое в ответной реплике в диалоге + «Независимость/Безнаказанность»
Языковое значение	‘нет достаточных условий для реализации угрозы’	‘пренебрежение тем, кто не может выполнить своей угрозы’

Рассматривая **загадку** на фоне паремического пространства, следует отметить некоторые общие с другими видами паремий и специфические прагматические функции. В первую очередь, для загадок актуальна о б р а з н о - м о д е л и р у ю щ а я функция, способствующая косвенной репрезентации стереотипной ситуации посредством создания иносказательного образа. В ходе моделирования ситуации загадка опирается не на прототипические жизненные ситуации, а на вымышленные или потенциальные, произвольно соотносимые с проецируемыми функциями денотата отгадки. Например: *Четыре ноги, да не зверь, душа и тело, да не человек, есть перья, да не птица* (Кровать) [ЗРН: 52]. В приведённой загадке моделируется ситуация с денотатом, проявляющим метафорически описанные свойства. Данные свойства характеризуются с помощью приёма метафорического «отрицания», когда суть сопоставления скрывается не в олицетворяющей метафоре, а в отрицании её реальности в силу наделения её псевдосвойствами. Отсутствие в структуре загадки выраженного предиката, тем не менее, позволяет его реконструировать, исходя из «отрицаемого» метафорой образа. Ср.: *не зверь*, так как ‘не бегаёт’, *не человек*, так как ‘не живёт’, *не птица*, так как ‘не летает’. В результате, несмотря на чётко представленную ситуацию, её сложно признать типовой. Типичным является, как раз, то, что *зверь бегаёт*, *человек живёт*, а *птица летает*, в то время как загадка всем своим метафорическим потенциалом формирует образ статичный, безрезультативный. Соответственно, цель моделирования ситуации заключается не в её типизации, как у пословиц, а в демонстрации уникальности денотата, выдвигающегося из ряда других, с признаками аналогичными, хоть и иной ситуативной обусловленности.

Ведущей когнитивно-прагматической функцией загадки является о б р а з н о - л о г и ч е с к а я – функция формирования в сознании носителя языка логических клише, наполненных традиционными для русской лингвокультуры образами в их нетипичной, «метафорически-творческой» репрезентации. Применительно к задачам семантического описания загадки актуальны все её категориальные признаки, важнейшим из которых, на наш взгляд, является статус речевого произведения, что согласуется с общим пониманием паремиологического фонда как дискурсивно активной области, представленной набором прецедентных моделей во всём многообразии их функционально-семантических реалий.

Когнитивно-прагматическое описание функционально-категориальных свойств **примет** позволяет выявить те функционально-семантические особенности, которые способствуют выражению посредством примет прагматически маркированных элементов этноязыкового сознания. При явном доминировании прогностической функции приметы реализуют регламентирующую функцию, выполнение которой обеспечивается таким характерным признаком семантики примет, как догматизм. Это свойство примет не только не требует дополнительного подтверждения выраженного в них прогноза, но и позволяет самой примете выступать в качестве аргумента. Например, *Если вороны садятся перед дверью жилья – к суровой зиме* [БСпр: 95] – ‘почему?

– потому что, когда вороны садятся перед дверью жилья, обычно следует суровая зима’.

Не менее важна для понимания когнитивно-прагматической сущности примет её функция символического моделирования мира, когда денотаты обыденного круга обретают своё символическое значение в рамках предсказаний. Например, *Вёдренно в Ильин день (2 августа) – на следующий год хорош будет медосбор* [БСпр: 272], *Баня снится – к веселью, радости* [БСпр: 283], *Много вишен – к урожайному году* [БСпр: 311]. Отмечается также функция, обусловленная способностью примет к формированию навыка культурной идентификации. Данную функцию развивают в себе, прежде всего, пословицы и поговорки, формируя устойчивые представления о «своих» и «чужих» и очерчивая категориальные «рамки» национальной культуры. Выражая национальный менталитет как стереотипизированную установку сознания на оценку и интерпретацию типичных ситуаций и образов, приметы, тем не менее, также способствуют реализации механизма культурной идентификации именно в процессе репрезентации конкретной реалии, вокруг которой формируется некое сообщество людей. Например: *Нельзя разговаривать на Троицком мосту в Пскове – поссорись с тем, с кем разговариваешь* [БСпр: 654]; *Чем лучше «Зенит» играет зимой, тем хуже для него складывается сезон* [БСпр: 656].

Взаимодействие специфической видовой прогностической и общепаремической дидактической функций примет порождает ту их особенность, которая может быть определена как функция выражения культурно-мировоззренческой константы (догматическая функция примет). Особенно показательное описание данной функции в процессе сопоставления примет и пословиц, поскольку последние выражают догму формально-семантически (на уровне пропозитивно выраженного смысла), а транслируемая ими мораль является в высшей степени компромиссной. Примета же не даёт простора для вариации выражаемого смысла в принципе, т.к. при этом просто лишается прогностической функции.

Таким образом, жанрововидовая сущность паремий устанавливается в соответствии с основным коммуникативно-прагматическим назначением каждого вида. Например:

Паремический жанр	Пословицы	Поговорки	Приметы	Загадки
<i>Пример</i>	<i>Больше друзей – больше и врагов</i> [БСП: 304]	<i>По край краёв</i> [БСпог: 326]	<i>Аист выбрасывает яйцо из гнезда – к урожаю.</i> [БСпр: 247]	<i>Еду, еду – следу нет, Режу, режу – крови нет, Рублю, рублю – щепок нет.</i> (Вода) [РН: 245]
<i>Когнитивная функция</i>	стереотипизации умозаключений	стереотипизация образной характеристики	стереотипизация поведения	стереотипизация образного осмысления
<i>Прагматическая функция</i>	дидактическая (поучают, воспитывают),	орнаментальная	сохранения культурной «памяти»	сохранение основ мифологического мировоззрения

Видовое разнообразие, которым характеризуется паремиологический фонд русского языка, определенным образом усложняет как проблему когнитивно-прагматического определения языкового и речевого статуса паремий, так и проблему собственно классификации основных паремических жанров. При этом мы рассматриваем паремии в трёх основных аспектах:

1) как модели (языковые образования) - выделенные единицы с системными признаками, характерными для оригинала (прототипической формы);

2) как единицы дискурса (с учетом понимания паремии как репрезентатора дискурсивных знаний, существенно превосходящих по объёму собственно план содержания языкового знака);

3) как речевые произведения с прецедентным статусом.

Такие присущие паремиям признаки текста как **цельность, иерархичность и централизация** в отдельных жанрово-паремийных разновидностях обусловили нюансы выражаемых когнитивно-прагматических функций. В частности, цельность **пословиц** может сочетаться с определённой структурной проницаемостью, чаще всего наблюдаемой у пословичных трансформов. **Иерархичность** и **централизация** семантики у разножанровых паремий обусловлены различными факторами. Так, **поговорки** (*До его носа теперь не доплюнешь* [ПиПРН: 236]) характеризуются выраженной иерархией: (1) структуры, поскольку имеют форму предложения; (2) семантики, поскольку выражаемое значение формируется как полевая структура; (3) когнитивной модели: смыслопорождающий концепт «Высокомерие» ↔ фрейм «Статус человека» в слоте «Неожиданное и незаслуженное повышение статуса».

Примета как паремический жанр с ведущей прогностической функцией характеризуется выраженной причинно-следственной связью, объединяющей в составе умозаключения две ситуации – реальную и прогнозируемую, что способствует реализации иерархических связей на уровнях когнитивной модели, семантики и прагматически выраженного смысла примет. Например: *Веник растрепался – хозяйке быть битой* [БСпр: 243].

- Когнитивная модель строится в ходе взаимодействия фреймов «Уборка жилища» и «Побои» под влиянием категориальной оси «Причина – Следствие».
- Паремическое значение строится как соподчинённая структура семантических признаков 'бесхозяйственность' и 'наказание'.
- Прагматическая рекомендация, выражаемая в смысловой структуре паремии, заключается в необходимости 'обращать внимание на хозяйственные мелочи'. Соответственно, предполагаемая скрытая связь между ситуациями базируется на соотношении слотов «Ведение домашнего хозяйства» и «Семейные отношения».

Смысловая иерархия **загадки** обнаруживается при рассмотрении механизма семантической рекомбинации, меняющей акценты в полевой иерархии

сем слова-отгадки. Например: *Чёрная курица на красных яйцах* (Сковорода) [ЗРН: 67]. В условиях внутритекстовой интенции реализуется семантический признак 'находится на раскалённых углях'. Или *Маслено, воложено, под лавкой положено* (Сковорода) [ЗРН: 67] – актуализируются имплицитные семы, выражающие признаки 'местоположение' и 'обработка'.

Таким образом, (1) обобщенная семантика, (2) выражаемый прагматический смысл и (3) когнитивный субстрат паремий обуславливаются иерархической зависимостью составляющих компонентов и централизацией, связанной с актуализацией имплицитных когнитивных смыслов и семантических признаков (отдельных сем).

Во второй главе «Категориальный статус паремий в аспекте их дискурсивно-прагматических свойств» рассматриваются семантические факторы, определяющие жанровый статус паремий как прецедентных текстов и речевых произведений. Обосновывается трихотомическое единство категорий предложения-высказывания, текста и речевого произведения. Доказывается, что паремии являются дискурсивными образованиями, функционирующими в единстве ранее описанных трёх конструктивных фaset: как модель, как единица дискурса и как речевое произведение прецедентного характера.

Прецедентность паремии – неотъемлемое свойство, заключающееся в способности пословиц, поговорок, загадок и примет включаться в контекст, сохраняя при этом системное афористическое значение. Это свойство обусловлено функциональными, семантическими и прагматическими свойствами народных афоризмов, в семантике которых отражен результат многократного осмысления исходной жизненной ситуации или регулярного денотативного признака. Прецедентные свойства паремий обуславливают (1) вторичность текста или фразеологического образа, а также (2) потенциальную «готовность» пословиц, поговорок, загадок и примет участвовать в различного рода дискурсивно обусловленных трансформациях и аллюзиях. При этом следует отметить, что изначальная интенциональная прагматика пословицы не является непреодолимым препятствием для частичного преобразования её значения, адаптирующего его к конкретным дискурсивным условиям порождения высказывания. Так, в опубликованной в Интернете статье, посвященной экономической ситуации в современной Европе, отмечается, что *пора бы Европе вспомнить, что Без труда не вытащишь и рыбки из пруда*. Контекст статьи не содержит утверждений о бездействии или лени руководителей Евросоюза, но приводимые аргументы создают впечатление постоянного отставания Европейского сообщества от ранее высказанных намерений. Причины тому авторы видят в непропорциональности усилий, затраченных на подготовку Лиссабонского договора, и усилий, направленных на оценку реального состояния современной Европейской экономики. Статья заканчивается призывом *сконцентрироваться на конкретном содержании, а не на концепциях и формах*. Таким образом, использование пословицы в качестве прецедентного источника происходит с замет-

ной трансформацией прагматического смысла высказывания: применительно к данному дискурсу он сводится к призыву ‘приложить необходимые усилия для стабилизации европейской экономики’. Такого рода смысл продуцируется всеми нюансами дискурсивной стратегии текста.

Уровень прецедентного потенциала паремий зависит от характера их дискурсивно-прагматической событийности. Причем событие как идея рассматривается вне пространственно-временного континуума, поскольку, использующему паремию субъекту речи необходимо актуализировать в своём сознании весь паремический дискурс одновременно – и как нарратив, и как поучение. Например, в тексте пословицы *Не бей в чужие ворота плетью – не ударили бы в твои дубиной* [РНПиП: 258] отражен фрагмент обыденно-разговорного дискурса, своеобразной «повседневной» философии народной жизни со всеми её нравственно обусловленными особенностями. Отраженные в тексте событийные топики (*ворота, плеть, дубина*) подвергаются образно-метафорическому переосмыслению в процессе когнитивного моделирования всего смыслового содержания высказывания. Исходная с и т у а ц и я как своеобразная векторная проекция события разрешается, оценивается и трансформируется в рекомендацию посредством когнитивной интеграции фрейма «Негативное действие в адрес другого» и концептуальной антитезы «Своё - Чужое». При этом собственно денотативная основа высказывания, формирующаяся в результате ослабления внутритекстовой референции (как правило, за счет роста степени обобщенности предметно-образной семантики), является по отношению к прототипическому событию вторичным образованием.

В семантической структуре дискурсивно обусловленного паремического знака денотативное событие образует её экзистенционал, т.е. тот предметно-смысловой объект, с которым он соотносится. Это позволяет один и тот же объект подвергать разным смысловым интерпретациям. Ср.: 1) *Не бей в чужие ворота плетью – не ударили бы в твои дубиной*; 2) *Не бранись ни с кем, так хорош будешь всем* [РНПиП: 259]; 3) *Не давай себе воли – не будешь терпеть неволи* [РНПиП: 269] и 4) *Не плюй в чужой колодезь – случится в нём воды испить* [РНПиП: 281]. В приведенных **пословицах** отражено событие, соотносимое с рядом жизненных ситуаций одного порядка, общий прагматический смысл высказывания может быть сформулирован как рекомендация ‘Не навредишь другому – обеспечишь собственное благополучие’. При этом каждая из приведенных фраз характеризуется смысловыми нюансами, обусловленными внутренней формой пословицы.

Специфика событийной основы **загадки** заключается в том, что ситуация, отраженная в кодирующей части (означающем), является не типично-жизненной, как в пословице, а изначально вымышленной. Посредством метафоризации она формирует регулярную смысловую связь с жизненно важным объектом. Реалии культуры, отраженные в загадке, в процессе разгадывания осмысливаются не только по модели внутренней формы, но и в соответствии с интенциональной направленностью соответствующего дискурса.

Например: *У двух матерей по пяти сыновей, одно имя всем и Пять братьев: годами равные, ростом разные* (Пальцы) [РН: 254]. В приведенных текстах наблюдается общая событийная основа, а стержневой смысл интерпретируется в первом случае как ‘одноименное сообщество’, а во втором – как ‘сообщество индивидуальностей’. Таким образом, событие для загадки – это способ реализации культурно-прагматического «фона», способствующего установлению и утверждению определённых логических соответствий в загадке.

Событийная основа **приметы** как вторичного знака зависит от характера её прагматической реализации:

1) приметы-предсказания обнаруживают тесную зависимость смыслового плана от внутренней формы и, соответственно, высокую степень реализации событийной основы в тексте паремии: *Видеть или пить во сне молоко – к радости* [БСпр: 188]; *Быть во сне в бане одетым – к заботам* [БСпр: 89];

2) приметы-рекомендации реализуют в своём смысловом плане два события – пропозитивно выраженное и предполагаемое как следствие выполнения рекомендации: *При первой кукушке брякни деньгами, чтоб водились* [БСпр: 421];

3) приметы-предостережения основаны на взаимодействии двух событий, связанных причинно-следственными отношениями: *Нельзя другому человеку давать мерить свои кольца – это к неудаче* [БСпр: 446].

Таким образом, для приметы событие – это не просто выделенный момент бытия, а некая отправная точка для порождения представления о стереотипной ситуации. Под синергетическим воздействием дискурса оно способно преобразовываться в когнитивную структуру – мыслительно-образный субстрат паремии.

Предлагаемые нами критерии определения категориального статуса паремических жанров ориентированы, прежде всего, на когнитивно-прагматическую специфику семантики единиц разных паремических жанров. Ср.: для семантики **примет** не актуален механизм когнитивной метафоры, у **поговорок** нет признаков текста; примерно половина всех **поговорок** характеризуется наличием фразеологически связанного, а не монолитно-обобщенного значения; для **примет** понятие прагматического смысла не включает обобщающей составляющей; **загадка** обучает стереотипу, опираясь на механизмы языковой игры; **пословица** стереотипно выражает парадокс и т.д.

Благодаря своим когнитивно-прагматическим свойствам паремии образуют особую зону синкретизма (суперпереходности), в которой процесс «взаимопревращения» паремических жанров возможен и как естественный стихийный процесс, и как следствие их авторских трансформаций. Причём каждый тип паремий обнаруживает особые признаки синкретизма: **пословицы** совмещают черты умозаключения и текста, **поговорки** – сочетания и выражения, **приметы** – описательной и дидактической единицы, прогноза и

наблюдения, **загадки** – результата языковой игры и выражения стереотипной сущности, выражения умозаключения и номинации.

В третьей главе «Когнитивно-прагматическое основание паремической семасиологии» предлагается концепция когнитивно-прагматической обусловленности семантической структуры паремий, выделяются ведущие категории паремической семантики: значение и смысл паремий (А.В. Бондарко, В.А. Звегинцев, Б.А. Ларин, А.А. Леонтьев).

Семантическая структура паремий формируется и реализуется как сложное интегративное целое, при этом, степень связанности и свободы значений слов-компонентов обусловлена зависимостью от когнитивного механизма, формирующего тот или иной тип пропозитивной структуры, соответствующий коммуникативному предназначению различных видов паремий.

Смысловая структура паремии в диссертации понимается и как прагматическое выражение обобщенного значения паремии, структурированное в соответствии с пропозитивной основой высказывания и его фреймовой моделью, и как способ реализации важнейших механизмов языкового сознания. К числу данных механизмов относятся (1) концептуализация языкового значения (у пословиц), (2) репрезентация когнитивно-денотативной ситуации (у пословиц, примет, поговорок), (3) метафоризация предмета косвенной номинации (у поговорок и загадок), (4) интеграция концептуальных областей и фрагментов фрейма под влиянием дискурсивной интенции (у пословиц и поговорок). Соответственно, под значением паремий предлагается понимать план содержания языкового знака (текстемы или фраземы), функционирующий в качестве специфической формы выражения языкового сознания, в то время как смысл народного афоризма представляет собой результат взаимодействия его значения и иной информации (дискурсивной, ситуативной, энциклопедической, субъективно переосмысленной и т.д.).

- Для значения паремии важны, в первую очередь, те функционально-категориальные признаки, которые определяют отбор и компоновку лексических единиц, характеризующих исходную денотативную ситуацию.
- Для смысла – концептуализация умозаключения, содержащегося в паремии.

Первым шагом в попытке определения когнитивно-прагматической сущности паремического значения становится выявление категориально значимых и функционально определяющих признаков значения пословиц, поговорок, примет и загадок. Следует отметить, что каждый из паремических жанров характеризуется наличием единого афористического значения, которое выражается в соответствии с рядом прагматических установок и когнитивных функций этноязыкового сознания.

При этом, *соотношение значение и смысла* определяется тем, что

- ✓ значения существуют не сами по себе, а ради смысла и

- ✓ сами подвергаются дальнейшему развитию, видоизменению, переосмыслению и даже преобразованию в смысл.

Паремический жанр	пословица	поговорка	примета	загадка
<i>Пример</i>	<i>Что Бог ни даст: либо выручит, либо выучит</i> [ПРН: 54]	<i>Сделал дядя на свою рожу глядя</i> [БСпог: 221]	<i>Если кошка лезет в печку греться – к холоду</i> [БСпр: 261]	<i>Шут в луже – борода – наружи (Редиска)</i> [ЗРН: 54]
<i>Формулировка афористического значения</i>	‘испытание судьбы полезно человеку при любом исходе’	‘плохо /небрежно /некачественно’	‘кошка предсказывает холода’	‘редиска, растущая на грядке’
<i>Прагматические установки</i>	‘терпи, извлекай уроки из ситуации’	‘делай как следует’	‘обращай внимание на поведение домашних животных’	‘наблюдай за съедобными растениями’
<i>Когнитивные функции</i>	стереотипизация умозаключения	стереотипизация образной характеристики	стереотипизация наблюдения/поведения	стереотипизация образного осмысления действительности
<i>Жанровая специфика значения</i>	обобщённость как снижение денотативной референцией	фразеологическая связанность	свобода выражения лексического значения компонентов	метафорическая рекомбинация семантических признаков
<i>Дискурсивная обусловленность смысла</i>	зависит от степени обобщения значения и стереотипизации ситуации	чрезвычайно высокая по причине несамостоятельности и неполноценности выражаемого суждения	слабая, так как примета – самодостаточное речевое произведение	отсутствует по причине диалогической природы загадки

Взаимоотношения категорий значения и смысла имеет определённую специфику у различных паремических жанров. Так, дискурсивно обусловленный смысл **пословицы** оказывается результатом осмысления ситуации в её коммуникативно-интенциональном «преломлении». Например: *В дверь постучали ...*

— *Пирог с капустой печете?* [...]

— *Пирог? Откуда, к черту, пироги у нас, когда в доме ни зеринки, ни мучинки!* — *И вдруг что-то осенило Федора Сазоновича: — Постой, постой, человеке... Минуточку. Пирог...* — *Всматриваясь в незнакомое лицо, прокаленное ветром и солнцем, он пытался что-то припомнить. — Да вы заходите, присаживайтесь!..*

— *Сидеть нам некогда. На незваного гостя, вижу, не припасена ложка. Башмаки у меня того... Не чините?*

Федор мучительно вспоминал. Осенний, прохладный вечер, брусок сливочного масла, коньяк, шпроты, пирог с капустой... Высокий седеющий полковник. И пароль: «Пирог с капустой»... «Запомни» — «Запомню». Они выпили на прощание. «До скорого. Гитлеру капут. Дай срок, Красная Армия вышвырнет его вон за государственные границы.

В приведённом контексте повести А.И. Былинова «Улицы гнева» пословица звучит скорее как констатация трагической ситуации отчуждения людей, существенно отдаляясь от исходной прагматической рекомендации ‘готовиться к желанным гостям’. Акцент перемещается на семантику ‘незван-

ного, лишнего, неприкаянного’, а компонент *ложка* формально привязан к образу *пирога* – символу мирной жизни на фоне военных событий. По сути дела, структурная часть пословицы – *не припасена ложка* – обретает контекстуально обусловленное значение ‘не узнали’. В результате, обобщённое значение пословицы способствует приращению дискурсивного смысла – ‘не-нужных, забытых людей нигде не ждут’.

Взаимоотношение значения и смысла у **поговорок** во многом обусловлено таким функционально-семантическим свойством, как логически оправданное, стилистически выдержанное и последовательное совмещение свойств афоризма и фразеологизма. Не выражая законченного умозаключения, поговорки, тем не менее, характеризуются ситуативной основой значения. Подобно фраземам, они обладают фреймовой семантикой, то есть соотносённостью выражаемого значения с соответствующей фреймовой структурой. Фреймовая структура значения поговорки композиционна: состоит из знания периферийных смыслов лексических компонентов, репрезентирующих первичные концепты. Она способна к качественному преобразованию в структуру умозаключения. Например:

а) *И дубиной и грабиной* [БСпог: 203] – ‘всеми доступными средствами’;

б) *На комара с обухом* [БСпог: 304] – ‘чрезмерно осторожный’;

в) *Жить ни у края, ни у берега* [БСпог: 326] – ‘без определённого места в жизни’. Если отталкиваться от фреймовой основы приведённых поговорок и допустить возможность использования поговорок в контексте рекомендательного высказывания, то вполне можно представить себе гипотетическую жанровую эволюцию данных паремий:

а) *И дубиной и грабиной* – а бестолку – ‘сколько сил ни прикладывай, а судьбу не перехитришь’;

б) *На комара с обухом* – а беды не миновал – ‘сколько ни осторожничай – ошибёшься’;

в) *Жить ни у края, ни у берега* – не жалеть, не плакать – ‘кто ничего не имеет, тот ничего не потеряет’.

Конечно же, подобные «принудительно созданные» провербиумы далеки от статуса пословиц, прежде всего, формально, поскольку пословица – это ещё и речевой шедевр, воплощенный в идеально отточенной форме, демонстрирующей высокий креативный потенциал фольклорного слова. Но при известной стилистической и фонетико-ритмической правке, а также с привлечением образных ассоциаций можно попытаться «создать» пословицу – гипотетическую производную поговорки:

а) *И дубиной и грабиной, а удачи ни с дробину;*

б) *На комара с обухом – на волка с песнями;*

в) *Жить ни у берега, ни у края – не знать ни потопа, ни рая.*

Подобные достаточно смелые трансформации поговорки в пословицу, на наш взгляд, оправданы тем, что данные паремические жанры находятся в

тесной связи, обусловленной их несомненной структурно-семантической близостью

Жанр **приметы**, семантика которой, в отличие от пословиц и поговорок, не зависит от явного переосмысления исходной ситуации, характеризуется несколько иным дискурсивным потенциалом. Ссылка на примету как авторитетное свидетельство о мироустройстве носит, как правило, буквальный характер. Соответственно, выражаемый паремией смысл зависит, в первую очередь, от когнитивного основания паремического значения. Немалую роль в этой прямой зависимости играет и стратегическая прагматическая функция приметы, Данная функция обнаруживается не только у примет, непосредственно выражающих запрет или прямую рекомендацию: *Нельзя заготавливать детское бельё до рождения ребёнка – может долго не прожить* [БСпр: 286]; *Если незамужней девушке выйти на улицу на растущую луну и простоять под балконом с двенадцати до часа ночи, то в течение полугода она благополучно выйдет замуж* [БСпр: 283], – но и у других подвигов данного паремического жанра:

- Примета-предсказание события (счастливого/несчастливого): *Браслет из красной нитки – защита от сглаза* [БСпр: 200], *Видеть во сне ветряную мельницу – к сплетням* [БСпр: 207], *Среди дня резко клонит в сон – к новому знакомству* [БСпр: 101];

- Примета-обучение ритуалу: *Бери деньги левой рукой, а отдавай правой – деньги будут водиться всегда* [БСпр: 345], *Если надеть украшение круглой формы, свидание с любимым пройдёт успешно* [БСпр: 345], *Нищему подавай серебро, нищему – медь, иначе сам будешь нищим* [БСпр: 473] и т.д.

Реализация указанной функции осуществляется посредством догматизации высказывания, осуществляемой различными путями: 1) в ходе использования категоричной формы (повелительной, запретительной, аксиоматичной); 2) за счёт реализации скрытой связи между ситуациями наблюдаемой и прогнозируемой; 3) с помощью очевидно наблюдаемых событий, воплощенных в примете при посредстве буквальной внутренней формы.

Соответственно, афористическое значение примет стереотипизируется как догма, регулирующая прогноз стандартных наблюдаемых ситуаций. При этом лексические компоненты приметы не теряют свободы выражения индивидуального значения. Приметы просто нужно знать, для того, чтобы не ошибиться в интерпретации наблюдаемых явлений, не понести урон, и не пройти мимо удачи. Прагматический смысл приметы является своеобразным результатом её обыденно-философского осмысления.

Наиболее специфично на общепаремическом фоне выглядит взаимодействие значения и смысла **загадки**. Сама её двухчастная структура подразумевает деление семантической структуры паремии на смыслопорождающую (отгадка) и переосмысленную (загадка). Подобная композиция вполне соответствует категориальному статусу загадки, которая может толковаться как речевое произведение, рождающееся в условиях определённой прагматики коммуникативного акта (игровая ситуация) и под влиянием внутренней

интенции – смыслового потенциала переосмысленного образа. Последний заключён в выражении смысла посредством концептуальной метафоры, причём данная концептуализация неизбежна – смысл буквально рождается в ходе применения загадки. Например: *Сидит на ложке свесив ножки* (Лапша) [ЗРН: 81]. В этой загадке создаётся антропоморфный образ, сущность которого вполне традиционна для данного паремического жанра. Соотнесение представлений об элементах неживой природы с представлениями о человеческой морфологии характерно и для пословиц и поговорок, широко применяющих олицетворяющую метафору.

Фреймовая основа загадки, представляющая собой взаимодействие слота «Приборы» фрейма «Трапеза» с концептом «Пища», в условиях подобной метафорической репрезентации реализуется как сценарий (скрипт). Сценарная репрезентация фрейма характеризуется определённой связной последовательностью событий – в загадке они представлены в «закольцованной» структуре, когда исходное событие сливается с чередой последующих и предыдущих, образуя непрерывную цепь состояний и качеств денотата:

а) *Потел, потел, в дыму закоптел* (Хлеб) [ЗРН: 155];

б) *Харитоновна жена под тыном шла, семьсот рублей нашла; ветер подул, все рубахи раздул* (Курица) [ЗРН: 123];

в) *Три брата, – один говорит: «Я полежу»; другой говорит: «Я посижу»; Третий говорит: «Я пошатаюсь»* (Камень, вода, трава) [ЗРН: 179].

Взаимодействие значения и смысла, при этом, можно представить следующим образом:

а) ‘пропитанный дымом’ – ‘хлеб – это то, что должно быть горячим – из печи’;

б) ‘ходит под забором, опустив голову, перья развеваются’ – ‘курица – это птица, что ходит по двору, опустив голову’;

в) ‘три однородных сущности: одна неподвижна, другая помещается в ёмкость, третья колеблется по вертикали’ – ‘природные реалии имеют каждая свою сущность – камень – это то, что само не движется, вода – это то, что принимает форму сосуда, а трава – то, что растёт само по себе’.

Следовательно, своеобразие паремической семантики определяется её когнитивно-дискурсивной способностью к приращению смысла, обусловленного взаимодействием когнитивного основания паремии с интенциональным фоном соответствующего смыслопорождающего концепта и событийно-смысловой основой реального или потенциального дискурса. Процесс приращения смысла осуществляется благодаря семантической многослойности паремий, которую формируют:

1) взаимодействия репрезентируемых когнитивом;

2) внутренняя форма паремии;

3) обобщенное значение;

4) комплекс прагматических смыслов, изначально существующий потенциально, затем – вполне актуально.

Четвёртая глава «Этническая ментальность и паремическая семантика» посвящена проблемам паремической репрезентации ментальных характеристик как важной составляющей этноязыкового сознания; анализу когнитивно-прагматического субстрата паремической семантики, отражающего особенности русского менталитета.

Культурно обусловленное содержание вербализованных когнитивных структур, являющихся оперативными единицами этноязыкового сознания, выражается в национально-культурном компоненте языкового значения. Обретая материализованную форму с помощью того или иного вербализатора, содержание когнитивной единицы (концепта, фрейма, гештальта и т.д.) является нам не только прототипические признаки предметов и явлений культуры, но и общую для национального сообщества установку языкового сознания. В рамках когнитивного осмысления феномена этноязыкового сознания ментальность рассматривается как его подсознательный, архетипический остов. Роль языка в выражении ментальных стереотипов заключается в концептуализации и стереотипизации ментальных проявлений. **Ментальность** – лингвокогнитивная категория, поскольку она представлена системой языковых средств выражения мировосприятия, характерного для этнического сообщества, а **менталитет** – категория когнитивная, поскольку представляет собой стереотипную установку лингвокультуры на восприятие паремической картины мира.

Раскрытие ментальных особенностей, выраженных в контексте паремий, способствуют, с одной стороны, учет **концептуального единства паремического пространства** (т.е. наличие определенной совокупности концептов с различным инкорпорирующим потенциалом, устойчиво вербализующихся посредством пословиц). С другой стороны, исключительную роль в формировании обобщенного значения пословицы играет прагматическая установка. Действительно, наивная картина мира, являясь выразителем архетипической модели русской культуры, в качестве одного из базовых компонентов включает в себя совокупность устойчиво вербализуемых посредством паремии умозаключений и образов. Данные единицы репрезентируют в языке и культуре определенный набор прагматических установок, призванных сохранять и транслировать идейные основы национальной культуры (отсюда выделение специфической культурно значимой функции языка, обеспечиваемой паремиями, фразеологизмами и некоторыми афоризмами нефольклорного происхождения, – **кодифицирующей** функции).

Следует отметить и тот факт, что паремии как средство выражения ментальности характеризуются определённой спецификой как на фоне иных единиц косвенно-производной номинации, так и внутри самой паремической жанровой парадигмы. В частности, пословицы, поговорки, приметы и загадки характеризуются различным семантико-прагматическим потенциалом в выражении русской ментальности. Нельзя не учитывать и отдельные нюансы в способности отдельных паремических жанров выражать конкретные ментальные характеристики, связанные с природой паремической прагматики:

стремлением к обобщению и типизации. Соответственно, такие характеристики русской ментальности, как «Мессианство», «Терпение», «Великодержавность», «Официозный патриотизм», в паремической семантике обнаруживаются значительно реже, чем «Вера», «Ожидание чуда», «Коллективизм/Соборность», «Патриотизм». Отмеченная ментальная ориентация паремий вполне совпадает с их статусом средств выражения наивной картины мира. Вместе с тем, тематический анализ пословиц и поговорок как паремических жанров, наиболее склонных к сентенциям, показывает, что существенными для выражаемых в них стереотипичных представлений являются такие свойства народного мышления, как *догматизм*, *фатализм*, *чёткая национально-культурная идентификация* и *нетерпимость к чужим / чужому*.

Способность паремий репрезентировать выше указанные ментальные свойства весьма последовательно обнаруживается в различных тематических блоках всех без исключения паремических жанров. Например, весьма показательным рассмотрением выражения в разножанровых паремиях фатализма как особой установки сознания. В **пословицах** максимально выражена склонность к морализаторству и поучению. Соответственно, тематический спектр пословиц, выражающих категорию фатализма, будет достаточно широк. Причина тому – сама ведущая прагматическая функция паремий: пословица не просто нацеливает на верную, с точки зрения социума, оценку события, но и моделирует ряд ситуаций, которые объёмно и полифонично представляют всё многообразие компромиссных оценок и обобщающих выводов. Например:

1) фатализм и смирение: *Не узнав горя, не узнаешь и радости* [ПРН: 31] – ‘будь готов к несчастью, отнесись к нему со смирением’ (тематическая группа «Счастье/Горе»);

2) отсрочка фатального события: *Смерть не близко, так и не страшно; а близко – знать не миновать; Не страшай: придёт смерть и без твоих гроз* [ПРН: 139] – ‘не бойся беды раньше времени, но знай, что она неизбежна’ (тематическая группа «Жизнь/Смерть»);

3) напрасность действий против судьбы: *Бояться себя заставишь, а любить не принудишь; Коли не мил телом, не приробишься делом* [ПРН: 465] – ‘любовь неподвластна человеческим намерениям и действиям’ (тематическая группа «Любовь»).

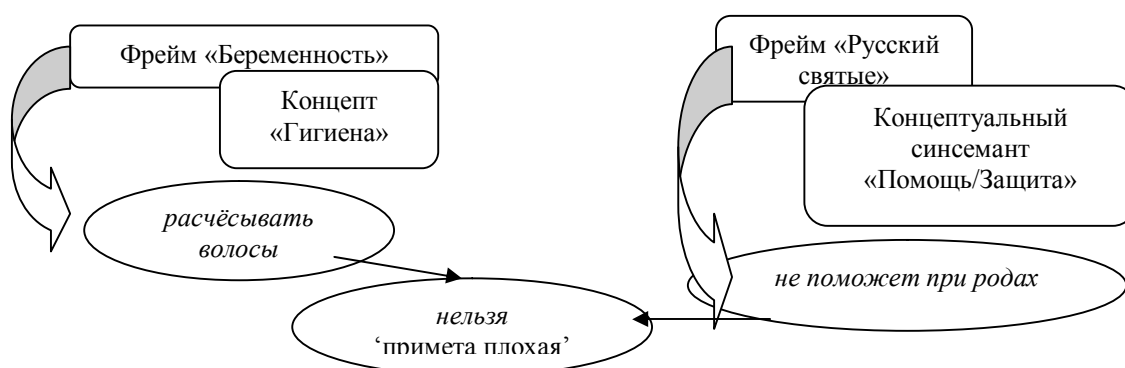
Поговорка чрезвычайно категорична в оценке денотата – охарактеризованная с помощью поговорки ситуация имеет однозначный исход (определяемый выраженной в паремии оценкой). Например: *Дуром дуреть* [БСпог: 205] – ‘сходить с ума’ и в результате ‘лишиться покоя и благополучия’; *Узнать чем крапива пахнет* [БСпог: 326] – ‘понести жестокое наказание’, которого ‘не избежать’; *Не всякое лыко в строку* [БСпог: 374] – ‘ошибка, которую не стоило ставить в вину’ – ‘неизбежность ошибки для тех, кто любит обвинять других’ и т.д. Фатальные мотивы для поговорок, таким образом, являются следствием реализации их прагматического фона – предупреждения о

тех качествах, действиях и явлениях, которые могут стать предметом негативной оценки или вести к неприятным последствиям.

Приметы склонны к выражению фатализма, прежде всего, в силу своей основной прогностической функции, чему способствуют форма *гадания* (предсказания по результатам магических действий) и обрядовая сущность *поверия* (опора на ритуальные действия), свойственные приметам, которые отличаются от данных речевых единиц чёткой афористической формой и стремлением к истолкованию события, а не к его моделированию, как у гаданий, или к формированию устойчивых ритуальных действий, как у поверий. Тем не менее, и примета, и схожие с ней фольклорные формы выражают не просто стереотипные суждения, а самые настоящие предрассудки и предубеждения, что само по себе предполагает абсолютную веру в прогнозируемый исход – тот самый фатализм.

Для выявления предпосылок к выражению в приметах фатализма как ментальной характеристики важно уяснить особенности её когнитивного основания. Сценарий, лежащий в основе фреймовой семантики приметы разворачивается в условиях, чётко обозначенных самой двухчастной формой паремии: *Если лошадь ест корм, закрыв глаза, скоро умрёт* [БСпр: 116]; *Ель перед ясной погодой ветви поднимает вверх* [БСпр: 308] и т.д. Именно сценарное воплощение когнитивной модели способствует инкорпорации фреймов ситуаций наблюдаемой и прогнозируемой, а деление событийного плана приметы на событие-причину и событие-следствие усиливает эффект неизбежности второго.

Например, в примете *По пятницам беременной волосы расчёсывать нельзя – Параскева Пятница не поможет при родах* [БСпр: 195] – наблюдается инкорпорация фрейма «Беременность» с фреймом «Русские святые» посредством сценарного развёртывания событийного плана, соотносимого с фреймами.

Загадки, также как и приметы, характеризуются статусом речевого произведения, чему способствуют их смысловая самодостаточность и наличие сюжета. Алгоритмичность семантики как подразумеваемая у текста загадки поэтапная расшифровка признаков, в итоге формирующих образ отгадки, не составляет иных вариантов прочтения внутренней формы, тем самым, выражая неизбежность проявления признаков денотата. У загадки, также как и у приметы, фатализм выражается не посредством тематической от-

несённости суждения/высказывания, а с помощью логики подхода к репрезентации ситуации. Например, *Не пахарь, не столяр, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник* (Лошадь) [ЗРН: 116]. Паремическое суждение, выраженное в загадке, утверждает основное предназначение лошади – рабочее. Само суждение достаточно банально, но форма его метафорического выражения в высшей степени креативна. Так, если идти по стандартному алгоритму отгадки, то *не пахарь, не столяр, не кузнец* – может трактоваться как ‘неживой работник’. На первый взгляд, этим работником может оказаться какое-нибудь орудие труда, но при этом возникнет несоответствие противопоставляемым образам труженика: *пахарю, столяру и кузнецу* – сложно найти орудие труда, которое будет относиться или ко всем трём, или ни к кому. Таким образом, загадка под противоположностью живого скрывает такое же живое, но являющееся человеком, – загадка буквально подталкивает к отгадке, как к неизбежному финалу размышлений, столь, на первый взгляд, неочевидных.

Один из ведущих факторов значимости паремических репрезентаций для выявления особенностей русского менталитета – событийно-прагматический субстрат паремической семантики. Событие, отраженное в тексте паремии, как правило, лишено конкретики, но, вместе с тем, опирается на узнаваемые, типизированные жизненные реалии и категории, которые формируют денотативную основу прагматического выражения события.

Под прагматическим выражением события в данном случае подразумевается свод оценок, рекомендаций, установок и социально значимых закономерностей, ради которых, собственно, и используется в речи паремия. Соответственно, дидактика паремий влияет на реализацию культурной идентификации посредством паремий различных жанров.

Как показывает анализ, максимально культурно-рефлексивная функция языка проявляется в **пословицах**, чему способствует их синкретичные категориальные признаки и ведущая дидактическая функция. Фреймовое основание семантики пословиц весьма показательно в плане характеристики изначальной протOVERBИАЛЬНОЙ мотивации фольклорно-речевой единицы. В **поговорках** этноязыковое сознание реализует большей частью свой механизм вторичной образной номинации, «опирающейся» на смыслопорождающий концепт как первичный стимул к вербальному выражению. При этом обнаруживается заметная разница в когнитивном основании поговорок с фразеологически связанным и паремически обобщённым значением. **Приметы** реализуют указанную функцию с определённой спецификой, обусловленной сценарной структурой когнитивного основания паремий данного вида. В приметах реализуются сложные культурные комплексы, в структуре которых задействованы реалии различного порядка (природные, социальные, межличностные и т.д.). **Загадки** же «сосредоточены» не собственно на реалиях, а на внутренней логике стереотипизации явлений, актуальных для русской культуры.

Таким образом, когнитивно-прагматическое описание паремий своей первоочередной задачей имеет проникновение в отдельные нюансы выражения закономерностей этноязыкового сознания посредством паремий, что предполагает как уточнение ряда понятий применительно к предмету исследования, так и решение отдельных проблем, связанных с выявлением параметров описания семантики паремий в «режиме» межвидового сопоставления.

В пятой главе «Этнолингвистическая специфика и лингвокультурные универсалии семантики русских паремий» анализируется этнокультурная маркированность семантики разножанровых паремий, рассматриваются вопросы, связанные с проблемой выделения национально-культурного компонента паремического значения, раскрывается понятие паремической картины мира, выявляются способы лексической маркировки паремической семантики в фокусе базовых ценностей культуры и с учётом отдельным ценностных акцентов в семантике русских народных афоризмов.

Культурная маркированность знания, запечатленного в паремиях, базируется на том, что они, выражая представления русского народа о типовых жизненных ситуациях, оказываются оптимальной средой социализации личности, её «врастания» в ценностно-смысловое пространство «материнского» мира.

Специфика отдельных видов паремий в обработке культурно значимой информации обусловлена, прежде всего, их ведущей когнитивно-прагматической функцией.

- **У пословиц** это – выражение стереотипной сентенции: *Не бросай золу на дорогу, а носи в огород понемногу* [БСП: 379] ('используй малое/незначительное, чтобы получить выгоду').

- **Приметы** с их базовой (1) прогностической функцией выражают стереотипный прогноз ситуации-следствия, обусловленной ситуацией-условием: *Ведьма снится к неожиданности* [БСпр: 302] ('жди непредвиденных событий').

- **Приметы** с базовой (2) дидактической функцией выражают стереотипный прогноз-рекомендацию: *Если человек помогает кузнецу, качая мехи, когда тот кует подковы, человека ожидает счастье, крепкое здоровье* [БСпр: 419] ('предвосхищай ситуацию удачи – помогай кузнецу').

- **Загадки** с их образно-логической функцией выражают стереотипический образ взаимообусловленности свойств и категорий культурного или натурального комплекса (фрейма культуры/природы): *В поле-поляне били барана; Ни крови, ни руды, а место знатно* (Жниво) [ЗРН: 230] ('жатва' > 'сжатые колосья' = 'не живые', 'не из-под земли', 'ценный/дорогой').

- **Поговорки** с их комплексной номинативно-образной и орнаментальной функцией выражают экспрессивно-оценочную экспликацию образа: *Отрублены руки по локоть* [БСпог: 580] ('крайне неумелый'); *Нос не туда затесан* [БСпог: 448] ('ничтожный человек'); *Гонять собак* [БСпог: 627] ('бездельник').

• **Поговорки** с признаками обобщенного значения и дидактической функцией выражают неразвёрнутую рекомендацию (т.к. не выражено до конца умозаключение, как в пословице): *Не первый снег на голову* [БСпог: 626] ('большой жизненный опыт – цени'); *За десять километров киселя хлебать* [БСпог: 283] ('очень далеко – нет смысла идти'); *Не новгородский дворянин, и сам сходишь* [БСП: 237] ('незначительный человек – можно пренебречь').

При рассмотрении явлений **культурной специфики** и **культурной универсальности** паремий, мы предлагаем рассматривать их как те категориальные свойства, которые проявляются **не в их противопоставленности, а в дихотомически целостном единстве**, как неразрывно связанные и взаимообусловленные стороны этнокультурной природы народных афоризмов. Вне сомнения, единство законов человеческой логики и значительная степень общности этических норм различных носителей языков индоевропейской семьи, позволяет говорить о коррелятивности паремических единиц русского языка, причиной которой заключается не только и не столько в культурных контактах и непосредственных заимствованиях, а в стереотипичности механизма когнитивной интеграции, наблюдаемого в любом языке. Вместе с тем, для реализации умозаключения, содержащегося в русских паремиях, чрезвычайно важна прагматическая значимость высказываний, которая непосредственно связана со специфической концептосферой русского языка. Кроме того, культурная универсальность и культурная специфика русских паремий во многом обусловлены их видовыми и тематическими особенностями, что обеспечивает народным афоризмам максимально широкий прагматический спектр речевого воздействия.

Дихотомическая сущность **культурной значимости** паремий обусловлена их поликонцептуальной природой, заключающейся в том, что паремии: (1) могут репрезентировать сразу несколько когнитивных структур в их иерархической связи, а также (2) способны к «объемной» репрезентации когнитивной единицы, при которой реализуется несколько – зачастую полярных – вариантов оценки.

Например, репрезентация нескольких когнитивных структур в их иерархической связи может быть прослежена на примере паремий, относящихся к интегративной (многовидовой) тематической группе «Смерть»:

1. Пословицы

1) *Впереди смерти не померёшь,*

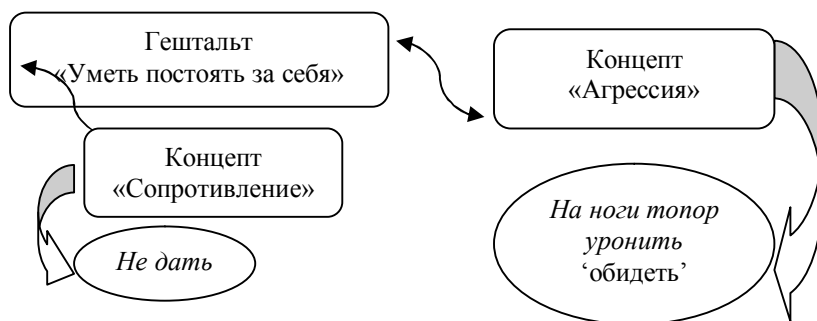
2) *Два раза молодую не быть, а смерти не отбыть,*

3) *Как ни ликовать, а смерти не миновать и*

4) *От всего вылечишься, кроме смерти* [БСП: 832] демонстрируют когнитивные модели, в которых доминируют взаимодействующие фреймы «Смерть» и «Судьба». В организуемом таким образом фрейме пословиц 2,3 и 4 актуализирован слот «Неизбежность смерти», а у пословицы 1 - «Своевременность смерти»:

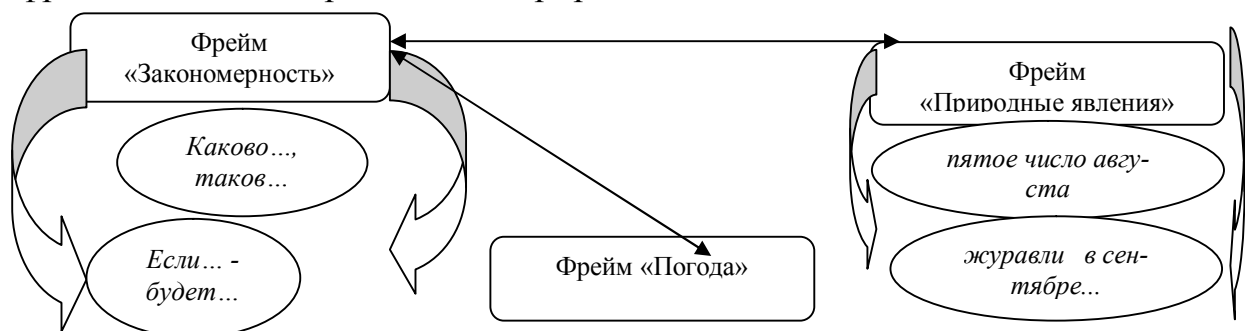
2. Поговорка *Не давать себе на ноги топор уронить* [БСпог: 440] в своём когнитивном обнаруживает доминирующий гештальт «Уметь постоять за себя», а денотативный фон для его репрезентации обеспечивает образная вербализация концепта «Агрессия» (*на ноги топор уронить*):

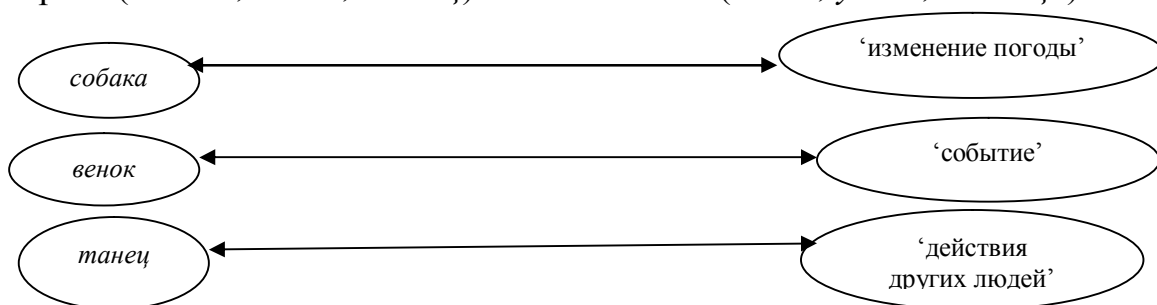
3. Приметы

Каково пятое число августа, таков и декабрь [БСпр: 273],

Если журавли в сентябре (осенью) летят высоко – зима будет холодная [БСпр: 371] в основании своей семантики имеют когнитивную модель, в которой иерархия когнитивных единиц представлена следующим образом: фреймы «Закономерность» и «Природные явления» → концепт «Погода»:

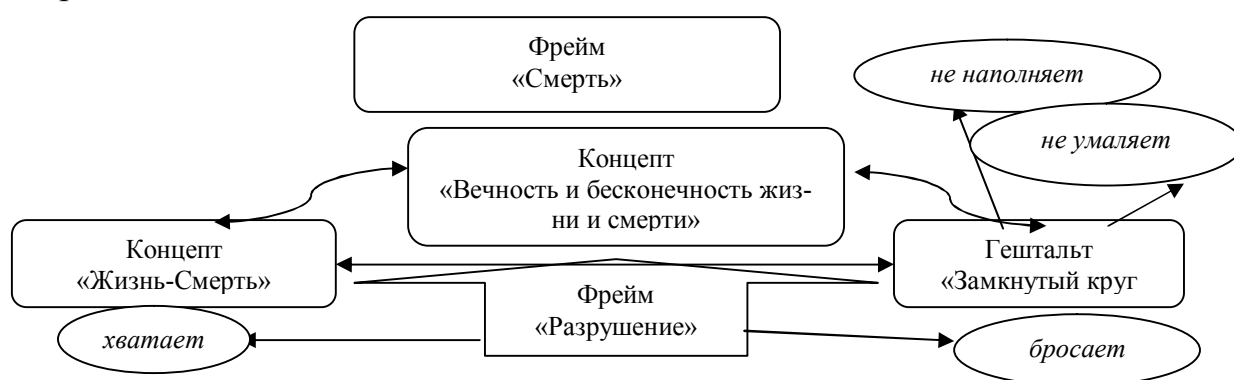

Приметы *Собака в крюк гнётся – к холоду* [БСпр: 263],
Венок снится – к успеху [БСпр: 303] и
Легко танцевать во сне – к помощи, покровительству [БСпр: 175] ха-
 рактеризуются следующим принципом построения моделей: «Символиче-
 ский образ» (*собака, венок, танец*) → «Событие» (*холод, успех, помощь*):

В любом случае, иерархия приметы основана на её двухчастности и от-
 чётливой причинно-следственной связи между событиями, организующими
 денотативный план паремии.

4. Загадка *На дереве птица цветы хватает, в корыто бросает, коры-
 та не наполняет и цветов не умяет* (Смерть) [ЗРН: 235] репрезентирует
 фрейм «Смерть» в его аспекте (слоте) – «Вечность и бесконечность жизни и
 смерти». При этом доминирует в когнитивной модели загадки концепт «Раз-
 рушение», который и репрезентирован вербальным образом птицы, срываю-
 щей цветы с дерева, – в иерархической связи с ним находятся антитетический
 концепт «Жизнь-Смерть» и гештальт «Замкнутый круг». Процесс когнитив-
 ного моделирования как реализация механизма когнитивной интеграции, при
 этом, заключается в порождении интегративной когнитемы «Вечная
 Смерть/Жизнь»:

К вопросу о механизмах выражения культурно обусловленной инфор-
 мации посредством паремий следует отметить, что паремии выражают смыс-
 лы, далеко выходящие за пределы языковых значений, находящихся в тексте
 народного афоризма собственно лексическое выражение. Это позволяет
 предположить, что процесс лексикализации смысла (обусловлен-
 ность смыслового плана пословицы конкретными лексическим значения
 слов-компонентов) паремий лишь отчасти способствует его выражению.
 Большая часть выражаемого паремией смысла – это следствие когнитивной

деятельности носителя языка, обусловленной прагматикой ситуации, – это своеобразная культурно обусловленная рефлексия на типовую для сознания когнитивно-прагматическую ситуацию. Ситуация же задается с помощью лексических маркеров, выполняющих при этом самые различные функции.

У пословиц:

- прямой или непосредственной репрезентации конструктивно значимых для модели высказывания когнитивом, например, в пословице *Мешай дело с бездельем – проведёшь век с весельем* [БСП: 250] выделенные лексемы репрезентируют концепт «Разнообразие» посредством реализации антитетических сем, заключенных в их значении;

- опосредованной репрезентации при помощи контекстуально (или фразеологически) обусловленного значения, например, в пословице *Хороший товар сам себя хвалит* [БПС: 907] обозначенные лексемы репрезентируют концепт «Качество» через идиоматизированное значение ‘говорит сам за себя’, реализованное при участии в тексте пословицы олицетворяющей метафоры;

- косвенно-метафорической номинации, когда для репрезентации соответствующей когнитивы используется периферийная или потенциальная сема значения лексического маркера, например, в пословице *Грибы растут в деревне, а их и в городе знают* [БСП: 224] при участии потенциальной семы «местный», актуализированной в ее возможной антитетической позиции, репрезентирован в числе иных когнитивом концепт «Известность/Популярность»;

- нулевой позиции, когда лексема отсутствует, но подразумевается ряд возможных вариантов ее представленности, как, например, в пословице *Больной, что ребенок* [РНПиП: 19] не лексикализуется ведущий категориальный признак - отсюда потенциальная полифония прагматических смыслов с различной оценочной позицией: ‘больной капризный, ему не надо потакать’, ‘больной зависимый и слабый, ему нужно потакать’, ‘больной не может выразить, что его мучает – нужно быть к нему внимательным’, ‘больной может преувеличивать свои страдания из жалости к себе, не нужно обращать особого внимания на жалобы’ и т.д.

Таким образом, следует различать этноспецифическую функцию лексических маркеров прагматического смысла пословиц – лексем, номинирующих культурно значимые денотаты, на которых и основывается моделируемый образ ситуации, и когнитивно-прагматическую функцию самих паремий как афористических единиц, базирующуюся на образной когнитивности, связанной с манипуляциями языкового сознания с различными когнитивными единицами как в их целостном воплощении, так и отдельных фрагментах, структурных элементах и в интегративных связях.

У **загадок** наблюдаются, в принципе, те же способы номинации когнитивно-денотативной ситуации с помощью лексических маркеров, но преобладают, явно, номинации косвенно-метафорические. Например, в загадках с одной отгадкой можно проследить всё многообразие когнитивной метафоры:

- 1) *Горбатый бес на загривок бабе влез,*
- 2) *Два братца хотят подрасться, да руки коротки,*
- 3) *Без рук, без ног – на плечи скок,*
- 4) *Ни свет, ни заря пошёл, согнувшись со двора* (Коромысло) [ЗРН: 180].

При этом, помимо косвенно-метафорической функции лексические маркеры загадок выполняют функции ассоциативно-смежную и функцию событийного фона. Наличие у лексических маркеров когнитивно-денотативной ситуации загадок указанных функций обусловлено своеобразным символизмом практически каждого лексического компонента паремии как «ключа», «подсказки» к разрешению алгоритма отгадки. Например, в 1-й и 3-й загадках такой символической или ассоциативно-смежной функцией обладают маркеры *загривок* и *плеча* (места «обитания» *коромысла*), а функцию событийного фона, конкретно в плане привязки к бытовой сфере, выполняет маркер *двор* в 4-й загадке.

Приметы – разновидность паремий, для которых актуальны, прежде всего, такие способы лексической маркировки когнитивно-денотативной ситуации, которые связаны с функцией прямой номинации и функции собственно символической. Первая функция обусловлена буквальностью внутренней формы примет-прогнозов, например, *Летом ранняя роса к вёдру* [БСпр: 219] – каждый лексический компонент выполняет функцию прямой номинации, а обобщенное значение реализуется не из-за переосмысления денотатов лексем, а из-за высокой степени стереотипизации явления, выражаемой, в том числе, структурно-грамматической моделью паремии. Функция собственно символическая обусловлена слабой мотивацией логической связи между событием и предсказанием и, как следствием, символизацией центрального для исходного события образа. Например, *Кошка лежит брюхом кверху – к теплу* [БСпр: 234] или *Рассвет снится к успешным мероприятиям* [БСпр: 254].

Поговорки как паремии, реализующие функцию косвенно-производной номинации, характеризуются, с одной стороны, фразеологически связанным значением слов-компонентов: *Легче на поворотах* [ПиПРН: 256], *Впал в детство* [ПиПРН: 346], *А у тебя губа не дура, язык не лопата* [ПиПРН: 204], – и тогда мы имеем дело с фразеологически переосмысленной номинацией (функция опосредованной репрезентации через идиоматизированное выражение значения).

С другой стороны, слова-компоненты могут выполнять и несколько функций сразу, исходя из комбинаторной семантики паремии: *Как из голодной деревни приехал* [ПиПРН: 204], – в данной поговорке мы наблюдаем косвенно метафорическую репрезентацию конструктивно значимых для модели высказывания когнитивом (*из деревни приехал* – ‘отличается от других’ – категория «Другой»), и фразеологически переосмысленную номинацию (*из голодной деревни* – ‘голодный’ – концепт «Жадность»).

Поговорки с обобщенным значением демонстрируют заметное разнообразие функций лексических маркеров:

1) *Такое житьё, что умирать не хочется* [БСП: 353] – непосредственная репрезентация концепта «Жизнь» (*житьё*), опосредованная репрезентация при помощи контекстуально обусловленного значения ('хороший' – *умирать не хочется*) категории «Хорошо-Плохо»;

2) *Волос до пят, а ум отнят* [БСпог: 98] – непосредственная репрезентация концепта «Ум» (*ум*), опосредованная репрезентация при помощи контекстуально обусловленного значения ('красивая внешность' – *волос до пят*) концепта «Внешняя красота» и т.п. Таким образом, необходимость в исследовании роли лексических компонентов паремий обусловлена их исключительной ролью в репрезентации когнитивных единиц, участвующих в моделировании ситуативной основы народного афоризма.

Как показало тематическое исследование паремического пространства русского языка, народные афоризмы образуют некую «сеть» мнений, образных характеристик и прагматических оценок относительно ряда важнейших для русской культуры констант, а объёмная репрезентация ключевых фрагментов концептосферы русского языка способствует формированию особого паремического аспекта языковой картины мира (ЯКМ). Понятие паремической картины мира актуально для паремиологии в аспекте дискуссионности выделения самостоятельного паремиологического объекта изучения. Паремеиологическое пространство русского языка применительно к задачам современной антропоцентрически ориентированной лингвистики может быть определено как структурированная в соответствии с ведущими речевыми функциями совокупность афоризмов фольклорного происхождения, имеющих статус прототипических средств коммуникативно-когнитивной деятельности народа.

Выявление фактора *культурной значимости паремий* подразумевает изучение *ценностно-смыслового содержания паремий*, что связано с анализом сложных процессов осмысления, взаимоотношения и переоценки в паремиях тех категорий, которые и образуют «ценностную» картину мира. При этом ценностная репрезентация понимается нами как вербализация когнитивных единиц: концептов, категорий, понятий, фреймов и т.д., – содержательно соотносимых с ценностями культуры, бытия социума и человека.

Особое звучание проблема ценностной репрезентации посредством паремий приобретает в аспекте поиска новых оснований для определения паремического минимума языка. Ценностный критерий систематизации паремий, несмотря на свою явную субъективность, всё-таки весьма продуктивен для отбора наиболее актуальных для современного носителя языка паремий, особенно с учётом лингводидактической функции народных афоризмов. В свете выше отмеченного предлагается введение *нового критерия отбора* единиц, ориентированного не столько на непосредственно лингвострановедческую ценность (реалии культуры отражены в паремиях не столь предста-

вительно, как, допустим, особенности национального мышления или эстетические и вкусовые предпочтения народа), сколько на способность паремий репрезентировать базовые культурные ценности. Обнаруживаемое пропорциональное несоответствие в выражении ценностных категорий посредством паремий различных типов обусловлено

а) сосредоточенностью **пословицы** на нравственно-этических нормах, даже если речь идёт об их житейском осмыслении;

б) выраженной «приверженностью» **примет** кругу обыденных явлений, в числе которых выделяются лишь те, на базе которых может сформироваться суеверие, – но и в случае обращения к категориям из сферы «идеального» данные паремии практически не касаются абстрактно-духовной стороны вопроса;

в) спецификой **загадки** в обозначении категорий духовности, поскольку даже будучи центром логической структуры паремии, нравственные понятия репрезентируются посредством обыденных параллелей.

Соответственно, ценностная репрезентация, осуществляемая с помощью паремий, является предметом когнитивно-прагматического описания не только для нужд тематического описания, но и для уточнения ведущих мировоззренческих позиций, которые могут транслироваться с помощью народных афоризмов.

В З а к л ю ч е н и и подводятся основные итоги работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования. В ранее выдвинутую гипотезу пришлось внести некоторые коррективы: ***выявлен ряд важнейших когнитивно-прагматических категорий паремических жанров, позволяющих им выполнять целый спектр функций, выходящих за пределы собственно языковой номинации и выражения отдельного умозаключения.*** Видовое своеобразие паремий в реализации данных семантических категорий обусловлено реализуемыми когнитивно-прагматическими функциями и особым категориальным статусом народных афоризмов. Категориальный статус и функциональное своеобразие отдельных разновидностей паремий непосредственно обусловлены их когнитивно-дискурсивной природой, то есть способностью репрезентировать ценностно-смысловое пространство русской этнокультуры.

Разработанная когнитивно-прагматическая концепция паремической семантики имеет весьма обнадеживающие перспективы. Она достаточно эффективна для дальнейшего изучения следующих проблем паремической семантики и прагматики:

1) взаимоотношений структурно-логических и функционально-семантических свойств паремических жанров;

2) пересечений отдельных когнитивно-прагматических зон в концептосфере русского языка, возникающих вследствие взаимодействия дискурсивных полей различных паремических жанров;

3) прагматики паремических жанров применительно к конкретным разновидностям дискурса;

4) сопоставительного моделирования когнитивно-дискурсивной динамики паремических жанров и т.д.

Открываются весьма привлекательные перспективы когнитивно-прагматического описания паремических жанров разных лингвокультур в их системном сопоставлении, что позволит более предметно и аргументировано судить о специфике народного менталитета и концептосфере русского языка.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографические издания:

1. Семененко, Н.Н. Русская пословица: функции, семантика, системность / Н.Н. Семененко, Г.М. Шипицына. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, - 2005. – 172 с. (авт. - 3,6 п.л.).

2. Семененко, Н.Н. Фразеология. Паремиология / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. Учебное пособие для бакалавров – М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2009. - С. 240-322 (авт. - 4,0 п.л.).

3. Семененко, Н.Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011. – 354 с. (21 п.л.).

Статьи:

1. В изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

4. Семененко, Н.Н. Прагматический подход к описанию когнитивно-денотативной ситуации русских паремий / Н.Н. Семененко // Вестник Вятского государственного университета, №2(2), 2008. С. 7581 (0,4 п.л.).

5. Семененко, Н.Н. Тематический принцип паремиографии в свете современной лингвокогнитивистики / Н.Н. Семененко // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск – Москва, 2009. Вып. 24(2). С. 23-28 (0,7 п.л.).

6. Семененко, Н.Н. Проблемы ценностной репрезентации в аспекте лингвокогнитивного описания семантики паремий / Н.Н. Семененко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – Белгород: Изд-во БелГУ, №18 (89), Вып. 7, 2010. С. 62-72 (1,0 п.л.).

7. Семененко, Н.Н. Лингвокогнитивный аспект проблемы выражения этноязыкового сознания в семантике паремий / Н.Н. Семененко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – Белгород: Изд-во БелГУ, №24 (95), Вып. 8, 2010. С. 62-72 (0,9 п.л.).

8. Семененко, Н.Н. Прецедентный потенциал русских пословиц в аспекте трихотомии «текст – дискурс – произведение» / Н.Н. Семененко // Вестник Вятского государственного университета. Научный журнал. – Киров: Изд-во ВятГГУ, №4, 2010. С. 69-74 (0,6 п.л.).

9. Семененко, Н.Н. Парадигматические свойства и иерархическая структура паремий в когнитивно-прагматическом аспекте / Н.Н. Семененко // Вестник Адыгейского государственного университета. Научный журнал. – Майкоп: Изд-во АГУ, вып.4(70), 2010. С. 163-170 (0,5 п.л.).

10. Семененко, Н.Н. Метафорическая структура и внутренняя форма паремий / Н.Н. Семененко // Вестник Майкопского государственного технического университета. Научный журнал МГТУ. – Майкоп: Изд-во МГТУ, № 3, 2010. С. 109-115 (0,5 п.л.).

11. Семененко, Н.Н. Проблема описания функционального статуса примет как паремиологического жанра / Н.Н. Семененко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета: Научный журнал. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, №4, 2010. С. 42-46 (0,6 п.л.).

12. Семененко, Н.Н. Когнитивная интеграция в вербализованном пространстве фрейма (на материале русских паремий) / Н.Н. Семененко // Вестник Московского. госу-

дарственного областного университета. Серия «Русская филология». - № 1, 2010. С. 47-51 (0,5 п.л.).

13. Семенов, Н.Н. Значение и смысл русских паремий в свете когнитивной прагматики / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов // Известия Уральского государственного университета, №6(85) часть 2, 2010. С. 169-180 (авт. - 0,4 п.л.).

14. Семенов, Н.Н. Пословичный концепт, деонтические нормы и языковая личность / Н.Н. Семенов // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования, №4(12), июль-август, 2010. С. 178-183 (0,5 п.л.).

15. Семенов, Н.Н. Когнитивно-прагматические основания классификации паремических жанров / Н.Н. Семенов // «Гуманитарные исследования». Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань: Изд-во «Астраханский университет», № 4(36), 2010. С. 136-142 (0, 6 п.л.).

16. Семенов, Н.Н. Проблема описания функционально-категориального статуса загадок как паремического жанра / Н.Н. Семенов // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. №126: Научный журнал. – СПб., 2010. С. 129-136 (0,7 п.л.).

17. Семенов, Н.Н. Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования / Н.Н. Семенов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – №2(56), 2011. С. 19-24 (0,6 п.л.).

18. Семенов, Н.Н. Когнитивно-прагматические основания классификации паремических жанров / Н.Н. Семенов // «Гуманитарные исследования». Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань: Изд-во «Астраханский университет», № 2 (38), 2011. С. 100-105 (0, 6 п.л.).

19. Семенов, Н.Н. Русская ментальность и паремическая семантика / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов // Вестник Московского областного государственного университета. Серия «Русская филология». - №1, 2011. С. 5-10 (авт. 0,25 п.л.).

2. В научных журналах, сборниках научных трудов и материалах научных конференций

20. Семенов, Н.Н. Концептуализация денотативного пространства русских пословиц / Н.Н. Семенов // Филология и культура: Материалы IV Междунар. конф. 16-18 апреля 2003 года. – Тамбов, 2003. С. 212-213 (0,1 п.л.).

21. Семенов, Н.Н. Прецедентные высказывания как носители культурной информации / Н.Н. Семенов // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Материалы Междунар. науч. симпозиума (1-2 апреля 2003 г.). – Волгоград, 2003. С. 362-367 (0,3 п.л.).

22. Семенов, Н.Н. Подходы к анализу ментального аспекта восприятия обобщенной семантики русских пословиц / Н.Н. Семенов // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – словари. Материалы всерос. науч. конф. (3-5 апреля 2003 г.). – Иваново, 2003. С. 306-310 (0,3 п.л.).

23. Семенов, Н.Н. Прецедентный текст как репрезентатор этнокультурной информации (на материале русских паремий) / Н.Н. Семенов // Межкультурная коммуникация и языковая прагматика в теории и практике обучения русскому языку как иностранному: Сб. науч. тр. – Белгород, 2003. С. 60-64 (0,3 п.л.).

24. Семенов, Н.Н. Денотативный план русской паремии как объект лингвокультурологического анализа / Н.Н. Семенов // Теория и практика современной русистики в мировом контексте: Междунар. сб. науч. статей: в 2 т. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2005. С. 124-128 (0,3 п.л.).

25. Семенов, Н.Н. Способы выражения субъекта в русских паремиях / Н.Н. Семенов // Теория и практика современной русистики в мировом контексте: Международный сборник научных статей: в 2 т. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2005. С. 128-130 (0,2 п.л.).

26. Семененко, Н.Н. Проблемы лингвистического статуса пословиц и поговорок / Н.Н. Семененко // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника: Сборник материалов международной научно-методической конференции: В 2 т., Т. 1 – Старый Оскол, 2005. – Т 1. С. 201-208 (0,5 п.л.).
27. Семененко, Н.Н. К лингвокультурной характеристике русской пословицы / Н.Н. Семененко, Г.М.Шипицына // Культурные концепты в языке и тексте: Сб. науч. тр. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. С. 135-146 (авт. – 0,2 п.л.).
28. Семененко, Н.Н. Вербализация концептуальных смыслов и паремическая вариантность / Н.Н. Семененко // Язык. Человек. Культура: Материалы междунар. научно-практ. конф.и: в 2-х ч.т - Ч.1 – Смоленск, 2005. С. 93-99 (0,4 п.л.).
29. Семененко, Н.Н. Вербализация фрейма «Война» посредством русских пословиц / Н.Н. Семененко // Война в судьбах поколений: социально-гуманитарный аспект проблемы: Материалы регион. научно-практ. конф., посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Старый Оскол, 2005. С. 249-250 (0,2п.л.).
30. Семененко, Н.Н. К вопросу о когнитивном механизме прецедентной ссылки / Н.Н. Семененко // Филология и культура: Материалы 5-й Междунар. конф. Тамбов, - 2005. С. 253-256 (0,3 п.л.).
31. Семененко, Н.Н. Прецедентный потенциал паремий в современном русском языке / Н.Н. Семененко // Международный сборник научных статей / Под ред. У. Перси, А.В. Полонского. Белгород – Бергамо: Изд-во Белгородского ун-та, 2005. С. 146-152 (0,4 п.л.).
32. Семененко, Н.Н. Взаимодействие базовых уровней обобщенного значения пословицы / Н.Н. Семененко // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 11-13 апр. 2006 г.): в 2 ч. /под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2006. – Вып. 9. – Ч. II. С. 108-111 (0,2 п.л.).
33. Семененко, Н.Н. Десемантизация цветообозначений в тексте пословиц как поликонцептуальных единиц / Н.Н. Семененко // Международный конгресс по когнитивной лингвистике (26-28 сентября 2006 г.): Сб. материалов / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2006. С. 179-181 (0,1 п.л.).
34. Семененко, Н.Н. Синкретизм пословиц как культурно значимых текстов / Н.Н. Семененко // Современные тенденции формирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: Материалы Всероссийской науч. конф. (27-29 ноября 2006 года). В 2-х ч. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2006. С. 163-166 (0,2 п.л.).
35. Семененко, Н.Н. Особенности концептуального анализа текста пословицы / Н.Н. Семененко // Слово – сознание – культура: сб. науч. трудов / сост. Л.Г. Золотых. – М.: Флинта: Наука, 2006. С. 348-354 (0,3 п.л.).
36. Семененко, Н.Н. Регулятивная функция языка и культуры: аспекты взаимодействия / Н.Н. Семененко // Славянские чтения: лингвистическое отечествоведение. Проблемы, задачи, перспективы развития. Материалы областной научно-практ. конф. - Старый Оскол, 2006. С. 14-18 (0,2 п.л.).
37. Семененко, Н.Н. Реконструкция ментальных особенностей носителей национального языка в процессе анализа культурно значимых текстов / Н.Н. Семененко // Славянские чтения: лингвистическое отечествоведение: проблемы, задачи, перспективы развития. – Материалы областной научно-практ. конф.- Старый Оскол, 2006. С. 4-7 (0,2 п.л.).
38. Семененко, Н.Н. Речевая культура и язык СМИ: основные аспекты взаимодействия / Н.Н. Семененко // Лингвистические и прагматические основы формирования речевой культуры. – Материалы городских научно-исслед. конф. 2004 и 2005 гг., - Старый Оскол, 2006. С. 35-39 (0,2 п.л.).
39. Семененко, Н.Н. Предисловие к сборнику «Лингвистические и прагматические основы формирования речевой культуры» / Н.Н. Семененко // Лингвистические и прагма-

тические основы формирования речевой культуры: Материалы городских научно-исслед. конф. 2004 и 2005 гг., - Старый Оскол, 2006, С. 7-9 (0,2 п.л.).

40. Семененко, Н.Н. Десемантизация цветообозначений в контексте пословицы как «свернутого текста» / Н.Н. Семененко // Цвет и смысл: Материалы научно-теоретического семинара кафедры филологических дисциплин / Сост. Цель Л.А. – Старый Оскол, 2006. С. 51-56 (0,3 п.л.).

41. Семененко, Н.Н. Лингвокультурная интерпретация смыслового плана пословиц как поликонцептуальных образований / Н.Н. Семененко // Материалы регион. научно-практ. конф. «Пушкаревские чтения». – Старый Оскол, 2006. С. 70-75 (0,3 п.л.).

42. Семененко, Н.Н. Жанровые и морально-эстетические принципы построения «Домостроя» как памятника рубежа русского средневековья и Возрождения / Н.Н. Семененко // Актуальные проблемы изучения литературы на перекрестке эпох. Форма и содержание: категориальный синтез. Сб. науч. статей Всерос. заочн. конф. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2007. С. 187-191 (0,2 п.л.).

43. Семененко, Н.Н. Русская пословица как текст культуры / Н.Н. Семененко // Славянские чтения – 2007: Сб. материалов областн. конкурса-фестиваля и научн. чтений. – Старый Оскол, 2007. С. 39-44 (0,3 п.л.).

44. Семененко, Н.Н. Проблема разграничения пословиц и афоризмов библейского происхождения / Н.Н. Семененко // Православие и духовный мир молодежи: Материалы Всерос. научно-практ. конф. – Белгород, 2007. С.218-221 (0,2 п.л.).

45. Семененко, Н.Н. Лексическая маркировка когнитивно-денотативной ситуации в русских пословицах и загадках / Н.Н. Семененко // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сборник научных статей. Иваново, 2008. С. 212-217 (0,4 п.л.).

46. Семененко, Н.Н. Национальное и интернациональное в семантической структуре паремий в аспекте межкультурной коммуникации / Н.Н. Семененко // Диалог культур – культура диалога: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Кострома, 2008. С. 204-209 (0,4 п.л.).

47. Семененко, Н.Н. Паремии с идиоматическим и неидиоматическим значением как репрезентаторы когнитивных единиц / Н.Н. Семененко // Фразеология и когнитивистика. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология»: Материалы I-й междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.). – Белгород, 2008. С. 340-344 (0,3 п.л.).

48. Семененко, Н.Н. Когнитивно-прагматическая функция русских паремий в условиях межкультурной коммуникации / Н.Н. Семененко // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы Междунар. научно-метод. конф. (г. Пятигорск, 14-17 мая 2008 г.). – Пятигорск, 2008. С. 161-163 (0,3 п.л.).

49. Семененко, Н.Н. Проблема фразеологического статуса паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода / Н.Н. Семененко // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Материалы Междунар. научно-практ. конф., посвященной юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. С. 148-152 (0,3 п.л.).

50. Семененко, Н.Н. Осмысление ценностных репрезентаций в паремической картине мира как фактор культурной компетентности / Н.Н. Семененко // Диалог культур – культура диалога: Материалы междунар. науч.-практич. конф. 1-5 сентября 2009 г. – Кострома, 2009. С. 287-290 (0,3 п.л.).

51. Семененко, Н.Н. Внутренняя форма пословицы как предмет когнитивного исследования / Н.Н. Семененко // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты: Материалы междунар. науч. конф. – Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. С. 146-148 (0,2 п.л.).

52. Семененко, Н.Н. Выражение национального менталитета в своде русских пословиц / Н.Н. Семененко // Язык и культура: Материалы Международной научной конфе-

ренции (Белгород, 25 марта 2010 г.). – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та. С. 71-77 (0,3 п.л.).

53. Семененко, Н.Н. Отражение процессов когнитивной интеграции в семантической структуре пословиц религиозной тематики / Н.Н. Семененко, Е.И. Палий // Фразеология. Познание. Культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. – Белгород, 2010. – Т.1. Фразеология и познание. С. 358-362 (авт. – 0,1 п.л.).

54. Семененко, Н.Н. Проблема отражения духовных ценностей народа в современном паремическом минимуме: когнитивный аспект исследования / Н.Н. Семененко // Фразеология. Познание. Культура. Т.1. Фразеология и познание: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 г.). – Белгород, 2010. С. 373-380 (0,2 п.л.).

55. Семененко, Н.Н. Контекстуальная интерпретация паремий как условие адекватного перевода (на материале произведений А.П. Чехова) / Н.Н. Семененко // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы II междунар. науч. конф. – М., 2010. С. 492-497 (0,3 п.л.).

56. Семененко, Н.Н. Отражение ценности «Правда» в паремической картине мира / Н.Н. Семененко // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: Сб. науч. ст. – Иваново, 2010. С. 169-174 (0,2 п.л.).

57. Семененко, Н.Н. Отражение ценности «Свобода» в паремической картине мира / Н.Н. Семененко // Язык, литература и современные глобализационные процессы: Материалы междунар. науч. конф. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2010. С. 241-246 (0,3 п.л.).

58. Семененко, Н.Н. Проблемы паремиографии в свете когнитивно-прагматического подхода к описанию семантики русских паремий / Н.Н. Семененко // Актуальные проблемы современной науки: Материалы междунар. науч. конф. – Самара: СНЦ РАН, 2010 С. 226-231 (0,3 п.л.).

59. Семененко, Н.Н. Этноязыковое самосознание и паремиологическая семантика / Н.Н. Семененко // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы Междунар. науч. конф., посвящённой юбилею д.ф.н. проф. В.Н. Телии. – М.–Тула, 2010. С. 130-135 (0,3 п.л.).

60. Семененко, Н.Н. Выражение национального менталитета в своде русских пословиц / Н.Н. Семененко // Экология русского языка: Материалы Междунар. науч. конф. – Пенза, 2010. С. 229-235 (0,2 п.л.).

61. Семененко, Н.Н. Событийная основа паремий как вторичных знаков в свете когнитивно-прагматического подхода / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко // Актуальные проблемы российской науки и образования: Материалы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием. Т.V. – Уфа, 2010. С. 430-434 (авт. – 0,15 п.л.).

62. Семененко, Н.Н. Выражение особенностей национального языкового сознания в русских пословицах: когнитивно-прагматический аспект исследования / Н.Н. Семененко // Акт проблемы российской науки и образования: Материалы Всерос научно-практ. конф. с междунар. участием. Т.V. Уфа, 2010. С. 430-434 (авт. –0,3 п.л.).

63. Семененко, Н.Н. Ценностные приоритеты культуры и паремическая картина мира / Н.Н. Семененко // Славянские чтения – 2010: Сборник материалов V регион конкурса-фестиваля и заочн. научно-исслед. конф. «Языковые и литературные традиции провинциальной России: прошлое, настоящее, будущее», посвященной 150-летию со дня рождения А.П. Чехова. – Старый Оскол, 2010. С. 22-26 (0,2 п.л.).

64. Семененко, Н.Н. Текстовый статус паремий: когнитивно-прагматический аспект / Н.Н. Семененко // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Материалы Междунар. науч. конф. – Псков, 2010. С. 167-172 (0,2 п.л.).

65. Семененко, Н.Н. Проблемы культурной идентификации и толерантности в свете изучения паремического пространства языка / Н.Н. Семененко // Диалог культур и культура диалога: Материалы Междунар. науч. конф. – Кострома, 2001. С. 440-445 (0,3 п.л.).

66. Семененко, Н.Н. Проблемы лингвокогнитивного описания паремиологической семантики / Н.Н. Семененко // Предложение и слово. Материалы Междунар. науч. конф. – Саратов, 2010. С. 182-189 (0,3 п.л.).

67. Семененко, Н.Н. Лингвокогнитивный подход к описанию внутренней формы / Н.Н. Семененко // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. Сб. статей к юбилею проф. Н.А. Кобриной. Под ред. Филимоновой О.Е., Кобриной О.Е., Шараповой Ю.В. – СПб., 2010. С. 456-464 (0,3 п.л.).

68. Семененко, Н.Н. Проблема категориальной сущности внутренней формы паремий в свете когнитивно-прагматического подхода / Н.Н. Семененко // И вновь продолжается бой...: сб. науч. ст., посвящённых юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск, 2010. С. 241-244 (0,3 п.л.).

69. Семененко, Н.Н. Трихотомия «текст – дискурс – произведение» и реализация прецедентного потенциала русских пословиц / Н.Н. Семененко // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.15. – Сочи, 2010. С. 104-112 (0,4 п.л.).

70. Семененко, Н.Н. Когнитивная основа семантики поговорок как паремического жанра / Н.Н. Семененко // Современная филология в международном пространстве языка и культуры. Материалы Междунар. научно-практ. интернет-конф. – Астрахань, 2011. С. 98-100 (0,3 п.л.).

71. Семененко, Н.Н. Выражение русской ментальности в пословицах (когнитивно-прагматический аспект) / Н.Н. Семененко // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции перспективы: материалы Междунар. заочн. научно-метод. конф. – Волгоград, 2011. Ч. 2. С. 208-216 (0,4 п.л.).

72. Семененко, Н.Н. Фразеологический и паремиологический статус поговорки / Н.Н. Семененко // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской. К 70-летию со дня рождения. Вып. 5. – Курган, 2011. С. 265-268 (0,3 п.л.).

73. Семененко, Н.Н. Событийный план и ситуативная основа загадок и пословиц в аспекте когнитивно-прагматического описания паремической семантики / Н.Н. Семененко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: Сб. науч. тр., посвящённых юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта – Наука, 2011. С. 88-94 (0,4 п.л.).

74. Семененко, Н.Н. К проблеме обоснования понятия паремической картины мира / Н.Н. Семененко // Диалог культур – культура диалога: материалы X юбилейной международной науч.-практ. конф., Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – С. 313-318 (0,3 п.л.).

3. В зарубежных научных журналах и сборниках научных трудов

75. Семененко, Н.Н. Текстовая вариативность русской пословицы / Н.Н. Семененко // Филологические исследования: Междунар. сб. трудов. Вып. 2. – Запорожье – Белгород, 2003. С. 311-315 (0,3 п.л.).

76. Семененко, Н.Н. Базовые семантические свойства русских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода / Н.Н. Семененко // Сборник по итогам международной конференции «XIX Оломоуцкие дни русистики». – Olomouc, 2008. С. 403-407 (0,3 п.л.).

77. Семененко, Н.Н. Фольклорная природа и языковой статус паремий в когнитивно-прагматическом освещении / Н.Н. Семененко // Восточнославянская филология: Сб. науч. работ. – Вып. 15. Языкознание. – Горловка, 2008. С. 102-110 (0,5 п.л.).

78. Семененко, Н.Н. Проблема паремических корреляций в свете когнитивно-прагматического подхода / Н.Н. Семененко // Сборник материалов Международной конференции в Острове 20-21 ноября 2008 г. – Острада, 2008. С. 222 – 229 (0,4 п.л.).

79. Семененко, Н.Н. Особенности репрезентации фрейма «Судьба» в текстах русских паремий / Н.Н. Семененко // Коммуникативные аспекты грамматики и текста. – Жешув: Изд-во Жешувского ун-та, 2009. С. 203 – 208 (0,3 п.л.).

80. Семененко, Н.Н. Проблема выявления национально-культурного компонента значения русских фразеологизмов и паремий / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко // Русский язык и культура в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: Материалы II междунар. конф. – Мадрид: Rubinos-1860. С. 19-24 (авт. – 0,15 п.л.).

81. Семененко, Н.Н. Когнитивные модели и прагматические смыслы русских паремий, характеризующих феномен греховности / Н.Н. Семененко // Традиционная народная культура в аспекте восточнославянской и польской языковой картины мира. Материалы междунар. науч. конф. – Люблин: Рівне, 2010. С. 30-35 (0,3 п.л.).

82. Семененко, Н.Н. Прецедентные свойства и особенности внутренней формы паремий различных типов / Н.Н. Семененко // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке: Сб. науч. статей / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Змицер Колас, 2010. С. 203-208 (0,3 п.л.).

83. Семененко, Н.Н. Переходные субстандартные паремические формы как элемент современного фразеологического пространства языка / Н.Н. Семененко // *Rossica Olomoucensia. Vol. XLIX. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1.* – Olomouc, 2010. S. 57-61 (0,3 п.л.).

84. Семененко, Н.Н. Современный паремический дискурс и новые прагматические смыслы русских пословиц / Н.Н. Семененко // *Rossica Olomoucensia. Vol. XLIX. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2.* – Olomouc, 2010. S. 45-51 (0,3 п.л.).